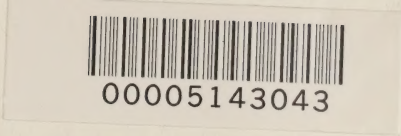
BR115
.P7
T65
1917

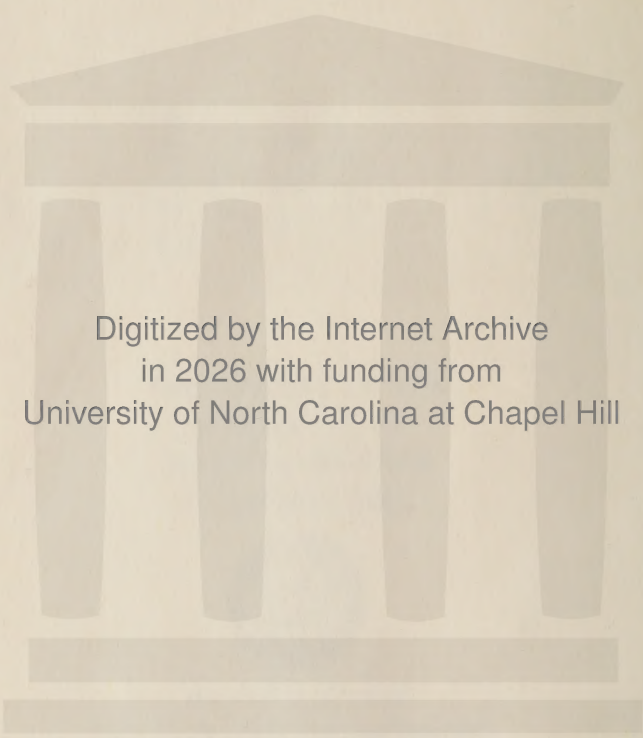
BR115
.P7
T65
1917

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

BR115
.P7
T65
1917


00005143043



Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/konetsviekaopred00tols

ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО

Л. Н. Толстой

КОНЕЦЪ ВѢКА.

(о предстоящемъ общественномъ переворотѣ).

Изданіе „ЕДИНЕНІЯ“
подъ редакціей В. Г. Черткова.

№ 13.

Не въ силѣ Богъ,
а въ правдѣ.

Тип. Издательской Комиссіи Моск. Совѣта Солд. Деп.
1917.

Л. Н. Толстой.

BR115
.P7
T65
1917

КОНЕЦЪ ВѢКА.

(О предстоящемъ общественномъ переворотѣ).

Изданіе „ЕДИНЕНІЯ“
подъ редакціей В. Г. Черткова.

№ 13.

Не въ силѣ Богъ,
а въ правдѣ.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

Типографія Издательской Комиссіи Моск. Совѣта Солд. Депут.
1917.

Л. Н. Толстой

КОНЕЦЪ ВѢКА.

О предстоящемъ общественномъ переворотѣ.

Изданіе „ЕДИНЕНІЕ“
Москва, Серпуховская ул., д. 7, кв. 1

1917

Конецъ вѣка.

«Никогда людямъ не предстояло столько дѣла. Нашъ вѣкъ есть вѣкъ революціи въ высшемъ смыслѣ этого слова — не матеріальной, но нравственной революціи. Вырабатывается высшая идея общественнаго устройства и человѣческаго совершенства».

Чанингъ.

«И познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными».

Іоан. VIII, 32.

I.

Конецъ вѣка, уничтоженіе стараго: признаки и причины.

Вѣкъ и конецъ вѣка на евангельскомъ языкѣ не означаетъ конца и начала столѣтія, но означаетъ конецъ одного міровоззрѣнія, одной вѣры, одного способа общенія людей и начало другого міровоззрѣнія, другой вѣры, другого способа общенія. Въ евангеліи сказано, что при такомъ переходѣ отъ одного вѣка къ другому будутъ всякія бѣдствія: предательства, обманы, жестокости и войны, и по причинѣ беззаконія охладѣетъ любовь. Я понимаю эти слова не какъ сверхъестественное пророчество, а какъ указаніе на то, что

когда та вѣра, тотъ складъ жизни, въ которомъ жили люди, будутъ замѣняться инымъ, когда будетъ отпадать отжившее старое и замѣщаться новымъ, неизбѣжно должны будутъ происходить большія волненія, жестокости, обманы, предательства, всякаго рода беззаконія, и, вслѣдствіе этихъ беззаконій должна охладѣть любовь, самое важное и нужное для общественной жизни людей свойство. Это самое и совершается теперь не только въ Россіи, но во всемъ христіанскомъ мірѣ: въ Россіи оно только проявилось болѣе ярко и открыто, во всемъ же христіанскомъ мірѣ происходитъ то же самое, только въ скрытомъ, латентномъ состояніи.

Я думаю, что теперь, именно теперь, жизнь христіанскихъ народовъ находится близко къ той чертѣ, которая раздѣляетъ кончающійся старый вѣкъ отъ начинающагося новаго. Думаю, что теперь, именно теперь, началъ совершаться тотъ великій переворотъ, который готовился почти 2000 лѣтъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, переворотъ, состоящій въ замѣнѣ извращеннаго христіанства и основанной на немъ власти однихъ людей и рабства другихъ — истиннымъ христіанствомъ и основаннымъ на немъ признаніемъ равенства всѣхъ людей и истинной, свойственной разумнымъ существамъ, свободой всѣхъ людей. Внѣшніе признаки этого я вижу въ напряженной борьбѣ сословій во всѣхъ народахъ, въ холодной жестокости богачей, въ озлобленіи и отчаяніи бѣдныхъ; въ безумномъ, безсмысленномъ, все растущемъ вооруженіи всѣхъ государствъ другъ противъ друга; въ распространеніи неосуществимаго, ужасающаго по своему деспотизму и удивительнаго по своему легкомыслію ученія соціализма; въ ненужности и глупости возводимыхъ въ наиважнѣйшую духовную дѣятельность праздныхъ разсужденій и изслѣдованій, называемыхъ наукой; въ болѣзненной развращенности и безсодержательности искусства во всѣхъ его проявленіяхъ; главное же, не только въ отсутствіи

въ руководящихъ сферахъ какой бы то ни было религіи, но въ сознательномъ отрицаніи всякой религіи и замѣнѣ ея признаніемъ законности подавленія слабыхъ сильными и потому въ полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было разумныхъ руководящихъ началъ въ жизни.

Таковы общіе признаки наступающаго переворота или скорѣй той готовности къ перевороту, въ которой находятся христіанскіе народы. Временные же историческіе признаки или тотъ толчокъ, который долженъ начать переворотъ, это только что окончившаяся русско-японская война и одновременно съ нею вспыхнувшее и никогда прежде не проявлявшееся революціонное движеніе среди русскаго народа.

Причину разгрома японцами русской арміи и флота видятъ въ несчастныхъ случайностяхъ, въ злоупотребленіи русскихъ правительственныхъ лицъ; причину революціоннаго движенія въ Россіи видятъ въ дурномъ правительствѣ, въ усиленной дѣятельности революціонеровъ; послѣдствіемъ же этихъ событій представляется какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ политикамъ, ослабленіе Россіи и перестановка центра тяжести въ международныхъ отношеніяхъ и измѣненіе образа правленія русскаго государства. Я же думаю, что эти событія имѣютъ гораздо болѣе важное значеніе. Разгромъ русской арміи и флота, разгромъ русскаго государственнаго устройства не есть только разгромъ арміи, флота и русскаго государства, а признакъ начинающагося разрушенія русскаго государства. Разрушеніе же русскаго государства есть, по моему мнѣнію, признакъ начала разрушенія всей лжехристіанской цивилизаціи. Это конецъ стараго и начало новаго вѣка.

То, что̀ привело христіанскіе народы къ тому положенію, въ которомъ они теперь находятся, началось давно.

Началось оно съ тѣхъ поръ, какъ христіанство было признано государственной религіей.

Государство, держащееся на насиліи, требующее для своего существованія полнаго повиновенія своимъ законамъ, преимущественно передъ закономъ религіознымъ, государство, не могущее существовать безъ казней, войскъ и войнъ, государство, приписывающее почти божеское значеніе своимъ правителямъ, государство, возвеличивающее богатство и могущество,—такое учрежденіе принимаетъ въ лицѣ своихъ правителей и подданныхъ христіанскую религію, провозглашающую полное равенство и свободу всѣхъ людей, полагающую одинъ законъ Бога выше всѣхъ другихъ законовъ, религію, не только отрицающую всякое насиліе, всякое возмездіе, казни и войны, но и предписывающую любовь къ врагамъ, возвеличивающую не могущество и богатство, а смиреніе и нищету, — это-то учрежденіе, въ лицѣ своихъ языческихъ правителей, принимаетъ эту христіанскую религію, но не въ ея истинномъ смыслѣ, а въ томъ извращенномъ видѣ, при которомъ продолжаетъ быть возможнымъ языческое устройство жизни. И правители и ихъ совѣтники, большей частью совсѣмъ не понимая сущности истиннаго христіанства, совершенно искренно возмущаются противъ людей, исповѣдующихъ и проповѣдующихъ христіанство въ его истинномъ значеніи, и съ спокойной совѣстью казнятъ, изгоняютъ ихъ и запрещаютъ имъ проповѣдывать христіанство въ его истинномъ смыслѣ. Духовенство запрещаетъ чтеніе евангелія, и признаетъ только за собой право толковать священное писаніе, придумываетъ сложные софизмы, оправдывающіе невозможное соединеніе государства и христіанства и устраиваетъ торжественные обряды, гипнотизирующіе народъ. И большинство людей вѣками живетъ, считая себя христіанами, не подозрѣвая даже сотой доли значенія истиннаго христіанства. Но какъ ни великъ былъ престижъ государства, какъ ни продолжительно было торжество его, какъ ни жестоко подавлялось христіанство, разъ

высказанную истину, открывающую человѣку его душу, составляющую сущность христіанства, нельзя было заглушить. Чѣмъ дольше продолжалось такое положеніе, тѣмъ яснѣе становилось противорѣчіе между христіанскимъ ученіемъ смиренія и любви и государствомъ — учрежденіемъ гордости и насилія. Величайшая плотина въ мірѣ не можетъ задержать источника живой воды. Вода неизбѣжно найдетъ себѣ путь или черезъ плотину, или размывъ, или обойдя ее. Дѣло только во времени. Такъ это было съ скрытымъ государственной властью истиннымъ христіанствомъ. Государство долго удерживало живую воду, но пришло время, и христіанство разрушаетъ задерживающую его плотину и увлекаетъ за собой ея остатки. Внѣшніе признаки того, что время это пришло именно теперь, я вижу въ легко одержанной японцами побѣдѣ надъ Россіей, и въ тѣхъ волненіяхъ, которыя одновременно съ этой войной охватили всѣ сословія русскаго народа.

II.

Значеніе побѣды японцевъ.

Какъ всегда бывало и бываетъ при всѣхъ пораженіяхъ, такъ и теперь причину пораженія русскихъ стараются объяснить ошибками побѣжденнаго: дурнымъ устройствомъ русскаго военнаго дѣла, злоупотребленіями и промахами начальниковъ и т. п.

Но главное не въ этомъ. Причина успѣховъ японцевъ не столько въ дурномъ управленіи Россіей или въ дурномъ устройствѣ русскихъ войскъ, сколько въ большомъ, положительномъ превосходствѣ японцевъ въ военномъ дѣлѣ. Японія побѣдила не потому, что русскіе слабы, а потому, что Японія теперь едва ли не самая могущественная въ мірѣ на сушѣ и на водѣ военная держава; и это такъ во-первыхъ потому, что

всѣ тѣ научныя техническія усовершенствованія, которыя давали преимущество въ борьбѣ христіанскимъ народамъ надъ нехристіанскими, усвоены японцами, вслѣдствіе ихъ практичности и той важности, которую они приписываютъ военному дѣлу, много лучше, чѣмъ то было сдѣлано народами христіанскими; во-вторыхъ, потому, что японцы по природѣ своей болѣе храбры и равнодушны къ смерти, чѣмъ теперь христіанскіе народы; въ третьихъ, потому, что тотъ воинственный патріотизмъ, совершенно несогласный съ христіанствомъ, который съ такимъ усиліемъ вводился христіанскими правительствами среди своихъ народовъ, живетъ до сихъ поръ во всей своей нетронутой силѣ среди японцевъ; въ четвертыхъ, потому, что, рабски подчиняясь деспотической власти обожествляемаго микадо, сила японцевъ болѣе сосредоточена и объединена, чѣмъ силы народовъ, переросшихъ свое рабское подчиненіе. Однимъ словомъ, японцы имѣли и имѣютъ огромное преимущество: то, что они не христіане.

Какъ ни извращено среди христіанскихъ народовъ христіанство, оно, хотя смутно, но все же живетъ въ ихъ сознаніи, и люди — христіане, во всякомъ случаѣ лучшіе изъ нихъ, не могутъ уже отдавать всѣ свои духовныя силы на изобрѣтеніе и приготовленіе орудій убійства, не могутъ не относиться болѣе или менѣе отрицательно къ воинственному патріотизму, не могутъ, какъ японцы, распарывать себѣ животы, только бы не отдаться въ плѣнъ врагу, не могутъ взрываться на воздухъ вмѣстѣ съ непріятелемъ, какъ это было прежде, не цѣнятъ уже, какъ прежде, военныхъ доблестей, военнаго геройства, все менѣе и менѣе уважаютъ военное сословіе, не могутъ уже безъ сознанія оскорбленія человѣческаго достоинства рабски подчиняться власти, и, главное, не могутъ уже, по крайней мѣрѣ большинство, равнодушно совершать убійства.

Всегда и въ мирныхъ дѣятельностяхъ, несогласъ-

ныхъ съ духомъ христіанства, христіанскіе народы не могли бороться съ нехристіанами. Такъ это было и продолжаетъ быть въ борьбѣ денежной съ нехристіанами. Какъ бы плохо и превратно ни толковалось христіанство, христіанинъ (и чѣмъ болѣе онъ христіанинъ, тѣмъ болѣе) сознаетъ, что богатство не есть высшее благо, и потому не можетъ положить на него всѣ свои силы, какъ дѣлаетъ это тотъ, у кого нѣтъ никакихъ идеаловъ выше богатства, или тотъ, для кого богатство есть благословеніе Божіе. То же и въ области нехристіанской науки и искусства. И въ этихъ областяхъ позитивной, опытной науки и искусства, ставящаго себѣ цѣлью удовольствіе, первенство принадлежало и принадлежитъ и всегда будетъ принадлежать наименѣе христіанскимъ людямъ и народамъ. То, что мы видимъ въ проявленіи дѣятельности мирной, то тѣмъ болѣе должно было быть въ дѣлѣ войны, прямо отрицаемой истиннымъ христіанствомъ. Вотъ это-то необходимое превосходство въ военномъ дѣлѣ нехристіанскихъ народовъ надъ христіанскими, при равныхъ средствахъ военной техники, съ полной очевидностью проявилось въ блестящей побѣдѣ японцевъ надъ русскими.

И въ этомъ неизбѣжномъ и необходимомъ превосходствѣ нехристіанскихъ народовъ надъ христіанскими и заключается огромное значеніе японской побѣды.

Значеніе побѣды японцевъ заключается въ томъ, что побѣда эта самымъ очевиднымъ образомъ показала не только побѣжденной Россіи, но и всему христіанскому міру, всю ничтожность внѣшней культуры, которой такъ гордились христіанскіе народы; показала, что вся эта внѣшняя культура, которая казалась имъ какимъ-то особенно важнымъ результатомъ вѣковыхъ усилій христіанскаго человѣчества, есть нѣчто очень неважное и столь ничтожное, что никакими особенными высшими духовными свойствами не отличающійся японскій народъ, когда ему это понадобилось, въ нѣсколько

десятковъ лѣтъ усвоилъ себѣ всю научную мудрость христіанскихъ народовъ съ бактеріями и взрывчатыми веществами включительно, и такъ хорошо сумѣлъ примѣнить эту мудрость къ практическимъ цѣлямъ, что сталъ въ примѣненіи этой мудрости къ военному дѣлу и въ самомъ военномъ дѣлѣ, столь высоко цѣнимомъ христіанскими народами, выше всѣхъ христіанскихъ народовъ.

Христіанскіе народы вѣками подъ предлогомъ самозащиты придумывали одно передъ другимъ самые дѣйствительные способы истребленія другъ друга (способы, тотчасъ же примѣняемые всѣми другими противниками) и пользовались этими способами и для угрозы другъ другу и для пріобрѣтенія всякаго рода выгодъ среди нецивилизованныхъ народовъ въ Африкѣ и Азіи. И вотъ среди нехристіанскихъ народовъ появляется народъ воинственный, ловкій и переимчивый, который, увидавъ угрожающую ему вмѣстѣ съ другими нехристіанскими народами опасность, съ необыкновенной легкостью и быстротой усвоилъ все то, что давало военное преимущество христіанскимъ народамъ, и сталъ сильнѣе ихъ, понявъ ту простую истину, что если тебя бьютъ толстой, крѣпкой дубиной, то надо взять точно такую же, или еще болѣе толстую и крѣпкую дубину и бить ею того, кто тебя бьетъ. Японцы очень скоро и легко усвоили эту мудрость и вмѣстѣ съ тѣмъ и всю эту технику войны и, пользуясь сверхъ того всѣми выгодами религіознаго деспотизма и патріотизма, проявили такое военное могущество, которое оказалось сильнѣе самой могущественной военной державы. Побѣда японцевъ надъ русскими показала всѣмъ военнымъ державамъ, что военная власть больше не въ ихъ рукахъ, а перешла или вскорѣ должна перейти въ другія нехристіанскія руки, такъ какъ всѣмъ нехристіанскимъ, угнетаемымъ христіанами, народамъ въ Азіи и Африкѣ совсѣмъ не трудно, по примѣру Японіи, усвоивъ себѣ

военную технику, которой мы такъ гордимся, не только освободиться, но и стереть съ лица земли всѣ христіанскія государства.

Такъ что христіанскія правительства исходомъ этой войны самымъ очевиднымъ образомъ приведены къ необходимости еще усиливать и такъ задавившія своими расходами ихъ народы военныя приготовленія и, удвоивъ эти вооруженія, все-таки сознавать, что со временемъ придавленные ими языческіе народы, такъ же, какъ японцы, обучившись военному искусству, свергнутъ ихъ иго и отомстятъ имъ. Уже не по разсужденіямъ, а на горькомъ опытѣ подтвердилось этой войной, не только для русскихъ, но и для всѣхъ христіанскихъ народовъ, та простая истина, что насиліе ни къ чему, кромѣ какъ къ увеличенію бѣдствій и страданій, привести не можетъ.

Побѣда эта показала, что, занимаясь увеличеніемъ своей военной силы, христіанскіе народы дѣлали не только дурное, безнравственное дѣло, но дѣло противное тому христіанскому духу, который живетъ въ нихъ, такое дѣло, въ которомъ они, какъ христіанскіе народы, должны всегда быть превзойдены и побѣждены нехристіанскими народами. Побѣда эта показала христіанскимъ народамъ, что все то, на что ихъ правительства направляли свою дѣятельность, было губительно для нихъ и напраснымъ истощеніемъ ихъ силъ, и, главное, приготовленіемъ для себя болѣе могущественныхъ враговъ среди нехристіанскихъ народовъ. Война эта самымъ очевиднымъ образомъ показала, что сила христіанскихъ народовъ никакъ не можетъ быть въ противномъ духу христіанства военномъ могуществѣ, и что, если христіанскіе народы хотятъ оставаться христіанскими, то усилія ихъ должны быть направлены никакъ не на военное могущество, а на нѣчто другое: на такое устройство жизни, которое, вытекая изъ христіанскаго ученія, давало бы наибольшее благо людямъ,

не посредствомъ грубаго насилія, а посредствомъ разумнаго согласія и любви.

Въ этомъ великое для христіанскаго міра значеніе побѣды японцевъ.

III.

Сущность революціоннаго движенія въ Россіи.

Японская побѣда показала всему христіанскому міру невѣрность того пути, по которому шли и идутъ христіанскіе народы. Русскимъ же людямъ война эта со своими ужасными, безсмысленными страданіями и тратами трудовъ и жизней показала, — кромѣ общаго для всѣхъ христіанскихъ народовъ противорѣчія между христіанскимъ и насильническимъ государственнымъ устройствомъ, — ту страшную опасность, въ которой они постоянно находятся, повинуясь своему правительству.

Безъ всякой надобности, для какихъ-то темныхъ, личныхъ цѣлей, для какихъ-то ничтожныхъ лицъ, находящихся во главѣ управленія, русское правительство ввергло свой народъ въ безсмысленную войну, которая ни въ какомъ случаѣ не могла имѣть никакихъ, кромѣ вредныхъ для русскаго народа, послѣдствій. Потеряны сотни тысячъ жизней, потеряны произведенія трудовъ народа, потеряна для тѣхъ, которые гордились ею — слава Россіи. И хуже всего то, что виновники всѣхъ этихъ злодѣяній не только не чувствуютъ своей вины, но упрекаютъ другихъ во всемъ случившемся и, оставаясь въ томъ же положеніи, завтра могутъ ввергнуть русскій народъ въ еще худшія бѣдствія.

Всякая революція начинается тогда, когда общество выросло изъ того міровоззрѣнія, на которомъ основывались существующія формы общественной жизни, когда противорѣчіе между жизнью, какая она

есть, и той, какая она должна и можетъ быть, становится настолько яснымъ для большинства людей, что они чувствуютъ невозможность продолженія жизни въ прежнихъ условіяхъ. Начинается же революція въ томъ народѣ, въ которомъ наибольшее число людей сознаютъ это противорѣчіе. Что же касается до средствъ, употребляемыхъ революціей, то средства эти зависятъ отъ той цѣли, къ которой стремится революція.

Въ 1793 году сознаніе противорѣчія между идеей равенства людей и деспотичной властью королей, духовенства, дворянъ, чиновниковъ, чувствовалось не только страдающими отъ своего угнетенія народами, но и лучшими людьми властвующихъ сословій во всемъ христіанскомъ мірѣ. Но нигдѣ эти сословія не были такъ чутки къ этому неравенству и нигдѣ сознаніе народа не было такъ мало забито рабствомъ, какъ во Франціи, и потому революція 1793 года началась именно во Франціи. Ближайшимъ же средствомъ осуществленія равенства естественно представлялось отнятіе силою того, что имѣли властвующіе, и потому дѣятели той революціи осуществляли свои цѣли насиліемъ.

Въ нынѣшнемъ, 1905 году, противорѣчіе между сознаніемъ возможности и законности свободной жизни и неразумностью и бѣдственностью повиновенія насильническимъ властямъ, произвольно отбирающимъ отъ людей произведенія ихъ трудовъ для немогущихъ имѣть конца вооруженій, — властямъ, всякую минуту могущимъ заставить народы участвовать въ безсмысленныхъ и жестокихъ смертоубійствахъ, — чувствуется не только страдающими отъ этого насилія народами, но и лучшими людьми властвующихъ сословій. Нигдѣ же противорѣчіе это не чувствуется такъ рѣзко, какъ въ русскомъ народѣ. Чувствуется это противорѣчіе особенно рѣзко въ русскомъ народѣ и вслѣдствіе нелѣпой и постыдной войны, въ которую русскій народъ вовлеченъ

правительствомъ, и вслѣдствіе удержавшагося еще среди русскаго народа земледѣльческаго быта, и, главное, вслѣдствіе особенно живого, христіанскаго сознанія этого народа. Поэтому я и думаю, что революція 1905 года, имѣющая цѣлью освобожденіе людей отъ насилія, должна начаться и начинается уже теперь именно въ Россіи. Средства же осуществленія цѣли революціи, состоящей въ освобожденіи людей, очевидно должны быть иныя, чѣмъ то насиліе, которымъ до сихъ поръ люди пытались осуществить равенство. Людямъ великой революціи, желавшимъ достигнуть равенства, можно было заблуждаться, когда они думали, что равенство достигается насиліемъ, хотя и казалось бы очевиднымъ, что равенство не можетъ быть достигнуто насиліемъ, такъ какъ насиліе есть само по себѣ самое рѣзкое проявленіе неравенства. Свобода же, составляющая главную цѣль теперешней революціи, уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть достигнута насиліемъ. А между тѣмъ теперь люди, производящіе революцію въ Россіи, думаютъ, что, продѣлавъ все то, что происходило въ европейскихъ революціяхъ, съ торжественными похоронами шествіями, разрушеніемъ тюремъ, блестящими рѣчами «allez dire â votre maître», учредительнымъ собраніемъ и т. п., — они, свергнувъ существующее правительство и учредивъ новое: конституціонную монархію или даже соціалистическую республику, они достигнутъ той цѣли совершающейся революціей.

Но исторія не повторяется. Насильническая революція отжила свое время. Все, что она могла дать людямъ, она уже дала имъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ показала, чего она не можетъ достигнуть. Начинающаяся теперь революція въ Россіи среди совсѣмъ особеннаго по своему складу стомилліоннаго народа и не въ 1793 году, а въ 1905, никакъ не можетъ имѣть тѣхъ цѣлей и осуществиться тѣми же средствами, какъ революціи,

бывшія 60, 80, 100 лѣтъ тому назадъ среди совершенно иного духовнаго склада германскихъ и романскихъ народовъ.

Русскому земледѣльческому стомилліонному народу, въ которомъ собственно и заключается весь народъ, нужна не дума и не дарованіе какихъ-то свободъ, — перечисленіе которыхъ очевиднѣе всего показываетъ отсутствіе простой, истинной свободы, — не замѣны одной насильнической власти другою, а — настоящая, полная свобода отъ всякой насильнической власти.

Значеніе начинающейся въ Россіи и предстоящей всему міру революціи, не въ установленіи подоходныхъ или иныхъ налоговъ, не въ отдѣленіи церкви отъ государства, или пріобрѣтеніи государствомъ общественныхъ учрежденій, не въ организаціи выборовъ и мнимаго участія народа во власти, не въ учрежденіи республики самой демократической, даже соціалистической, съ всеобщей подачей голосовъ, а — *въ дѣйствительной свободѣ*.

Не мнимая, а дѣйствительная свобода достигается не баррикадами, не убійствами, не какимъ бы то ни было новымъ, вводимымъ насиліемъ учрежденіемъ, а только прекращеніемъ повиновенія какимъ бы то ни было человѣческимъ властямъ.

IV.

Основная причина предстоящаго переворота.

Основная причина предстоящаго переворота, какъ и всѣхъ бывшихъ и будущихъ революцій,—религіозная.

Подъ словомъ религія обыкновенно принято понимать или нѣкоторыя мистическія опредѣленія невидимаго міра, или извѣстные обряды, культъ, поддерживающій, утѣшающій, возбуждающій людей въ ихъ жизни, или объясненія происхожденія міра, или нрав-

ственныя, санкціонированныя божескимъ повелѣніемъ, правила жизни; но истинная религія, есть прежде всего открытіе того высшаго, общаго всѣмъ людямъ закона, дающаго имъ въ данное время наибольшее благо.

Еще до христіанскаго ученія, среди разныхъ народовъ былъ выраженъ и провозглашенъ высшій, общій всему человѣчеству, религіозный законъ, состоящій въ томъ, что люди для своего блага должны жить не каждый для себя, а каждый для блага всѣхъ, для взаимнаго служенія (буддизмъ, Исаія, Конфуцій, Лаотзе, стоики). Законъ былъ провозглашенъ, и тѣ люди, которые знали его, не могли не видѣть всей его истинности и благотворности. Но установившаяся жизнь, основанная не на взаимномъ служеніи, но на насиліи, до такой степени проникла во всѣ учрежденія и нравы, что, признавая благотворность закона взаимнаго служенія, люди продолжали жить по законамъ насилія, которые они оправдывали необходимостью угрозы, возмездія. Имъ казалось, что безъ угрозы и возмездія зломъ за зло общественная жизнь невозможна. Одни люди брали на себя обязанности для установленія благоустройства и исправленія людей примѣнять законы, т.-е. насилія, и повелѣвали, другіе повиновались. Но повелѣвающіе неизбѣжно развращались той властью, которой они пользовались. Будучи же сами развращены, они, вмѣсто исправленія людей, передавали имъ свой развратъ. Повинующіеся же развращались участіемъ въ насиліяхъ власти и подражаніемъ властителямъ и рабской покорностью. Тысяча девятьсотъ лѣтъ тому назадъ появилось христіанство. Христіанство съ новой силой подтвердило законъ взаимнаго служенія и сверхъ того разъяснило причины, по которымъ законъ этотъ не исполнялся.

Христіанское ученіе съ необыкновенной ясностью показало, что причиной этого было ложное представленіе о законности, необходимости насилія, какъ возмез-

дія. И съ разныхъ сторонъ, разъяснивъ незаконность, зловредность возмездія, оно показало, что главное бѣдствіе людей происходитъ отъ насилій, которыя, подъ предлогомъ возмездія, производятся одними людьми надъ другими. Христіанское ученіе показало не только несправедливость, но зловредность возмездія, показало, что единственное средство избавленія отъ насилія есть покорное, безъ борьбы перенесеніе его.

«Вы слышали, что сказано древнимъ: око за око, зубъ за зубъ. А я говорю вамъ: не противься злому, но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую, и кто захочетъ судиться съ тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два. Просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся».

Ученіе это указывало на то, что если судьей того, въ какихъ случаяхъ допустимо насиліе, будетъ человѣкъ, совершающій насиліе, то не будетъ предѣловъ насилію, и потому, чтобы не было насилія, надо, чтобы *никто ни подъ какимъ предлогомъ не употреблялъ насилія, въ особенности же подъ самымъ употребительнымъ предлогомъ возмездія.*

Ученіе это подтверждало ту простую, само собой понятную истину, что зломъ нельзя уничтожить зло, что единственное средство уменьшенія зла насилія, это воздержаніе отъ насилія.

Ученіе это было ясно выражено и установлено. Но ложное понятіе о справедливости возмездія, какъ необходимаго условія жизни людей, такъ укоренилось и такъ много людей не знало христіанскаго ученія или знало его только въ извращенномъ видѣ, что люди, принявшіе законъ Христа, продолжали жить по закону насилія. Руководители людей христіанскаго міра думали, что можно принять ученіе взаимнаго служенія безъ ученія о непротивленіи, составляющаго замокъ

(въ смыслѣ свода) всего ученія о жизни людей между собой. Принять же законъ взаимнаго служенія, не принявъ заповѣди непротивленія, было все равно, что, сложивъ сводъ, не укрѣпить его тамъ, гдѣ онъ смыкается.

Люди-христіане, воображая, что, не принявъ заповѣди непротивленія, они могутъ устроить жизнь лучше языческой, продолжали дѣлать не только то, что дѣлали нехристіанскіе народы, но и гораздо худшія дѣла, и все больше и больше удалялись отъ христіанской жизни. Сущность христіанства, вслѣдствіе неполнаго принятія его, все больше и больше скрывалась, и христіанскіе народы дошли наконецъ до того положенія, въ которомъ находятся теперь, а именно, до превращенія христіанскихъ народовъ во вражескія войска, отдающія всѣ свои силы на вооруженія другъ противъ друга и готовыхъ всякую минуту растерзать другъ друга; — и дошли до того положенія, что не только вооружились другъ противъ друга, но вооружили и вооружаютъ противъ себя и ненавидящіе ихъ и поднявшіеся противъ нихъ нехристіанскіе народы; дошли, главное, до полнаго въ жизни отрицанія не только христіанства, но какого бы то ни было высшаго закона.

Извращеніе высшаго закона взаимнаго служенія и заповѣди непротивленія, данной христіанствомъ для возможности осуществленія этого закона, — въ этомъ основная религіозная причина предстоящаго переворота.

V.

Послѣдствія непринятія заповѣди непротивленія.

Мало того, что христіанское ученіе показывало, что мщеніе и воздаяніе зломъ за зло невыгодно и не-

разумно, увеличивая зло, — оно показывало и то, что непротивленіе злу насиліемъ, перенесеніе всякаго насилія безъ борьбы съ насиліемъ было единственное средство достиженія той истинной свободы, которая свойственна человѣку. Ученіе показывало, что какъ только человѣкъ вступалъ въ борьбу съ насиліемъ, онъ этимъ самымъ лишалъ себя свободы, такъ какъ, допуская насиліе для себя противъ другихъ, онъ этимъ самымъ допускалъ насиліе и противъ себя, и потому могъ быть покоренъ тѣмъ насиліемъ, съ которымъ боролся; и если даже оставался побѣдителемъ, то, вступая въ область внѣшней борьбы, былъ всегда въ опасности въ будущемъ быть покореннымъ болѣе сильнымъ.

Ученіе это показывало, что свободенъ можетъ быть только человѣкъ, цѣлью своей ставящій исполненіе высшаго, общаго всему человѣчеству, закона, для котораго не можетъ быть препятствій. Ученіе показывало, что единственное средство какъ для уменьшенія въ мірѣ насилія, такъ и для достиженія полной свободы, есть только: покорное, безъ борьбы, перенесеніе какого бы то ни было насилія.

Христіанское ученіе провозглашало законъ полной свободы человѣка, но при необходимомъ условіи подчиненія высшему закону, во всемъ его значеніи.

«И не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ геенѣ» (Мѳ. X, 28).

Принявшіе это ученіе во всемъ его значеніи, повинуясь высшему закону, были свободны отъ всякаго другого повиновенія. Они покорно переносили насиліе отъ людей, но не повиновались людямъ въ дѣлахъ, не согласныхъ съ высшимъ закономъ.

И такъ поступали первые христіане, когда они были въ маломъ числѣ среди языческихъ народовъ.

Они отказывались отъ повиновенія правительствамъ въ дѣлахъ, не согласныхъ съ высшимъ зако-

номъ, который они называли закономъ Бога, были гонимы и казнимы за это, но не повиновались людямъ и были свободны. Когда же цѣлые народы, жившіе въ установленномъ и поддерживаемомъ насиліемъ государственномъ устройствѣ, были посредствомъ внѣшнихъ обрядовъ крещенія признаны христіанами, отношеніе христіанъ къ власти совершенно измѣнилось. Правительства, съ помощью покорнаго имъ духовенства, внушали своимъ подданнымъ, что насилія и убійства могутъ быть совершаемы, когда употребляются для справедливаго возмездія и для защиты угнетенныхъ и слабыхъ. Кромѣ того, заставляя людей присягать властямъ, т. е. клясться передъ Богомъ, что они будутъ безпрекословно исполнять все, что будетъ предписано властью, правительства довели своихъ подданныхъ до того, что люди, считавшіе себя христіанами, перестали считать запрещеннымъ насилія и убійства. Совершая же насилія и убійства, они естественно подчинялись и тѣмъ, которыя совершались надъ ними. И сдѣлалось то, что люди христіане, вмѣсто свободы, провозглашенной Христомъ, вмѣсто того, чтобы считать, какъ это и было прежде, своимъ долгомъ переносить всякое насиліе, но не повиноваться никому кромѣ Бога и быть свободными, стали понимать свои обязанности совершенно обратно: стали считать для себя позорнымъ переносить безъ борьбы насилія (честь) и считать священнѣйшей обязанностью повиноваться власти правительствъ, и стали рабами. Воспитанные въ этихъ преданіяхъ, они не только не стыдились своего рабства, но гордились могуществомъ своихъ правительствъ, какъ всегда рабы гордятся величіемъ своихъ господъ.

Въ послѣднее же время изъ этого извращенія христіанства выросъ еще новый обманъ, закрѣпившій христіанскіе народы въ ихъ порабощеніи. Обманъ этотъ состоитъ въ томъ, что, посредствомъ сложнаго устройства выборовъ и представителей въ правительствен-

ныя учрежденія, людямъ извѣстнаго народа внушается, что, избирая того, кто далѣе будетъ вмѣстѣ съ другими избирать того или другого изъ десятка неизвѣстныхъ ему кандидатовъ, или избирая прямо своихъ представителей, они дѣлаются участниками правительственной власти, и потому, повинуясь правительству, повинуются сами себѣ, и потому будто бы свободны. Обманъ этотъ, казалось бы, долженъ быть очевиденъ и теоретически и практически, такъ какъ при самомъ демократическомъ устройствѣ, и при всеобщей подачѣ голосовъ, народъ не можетъ выразить свою волю. Не можетъ выразить ее, во-первыхъ, потому, что такой общей воли всего многомилліоннаго народа нѣтъ и не можетъ быть, а во-вторыхъ, потому, что если и была бы такая общая воля всего народа, большинство голосовъ никогда не можетъ выразить ее. Обманъ же этотъ, не говоря уже о томъ, что выбранные люди, участвующіе въ правленіи, составляютъ законы и управляютъ народомъ не въ виду его блага, а руководствуясь по большей части единственной цѣлью среди борьбы партій удержать свое значеніе и власть, — не говоря уже о производимомъ этимъ обманомъ развращеніи народа всякаго рода ложью, одурѣніемъ и подкупами,—обманъ этотъ особенно вреденъ тѣмъ самодовольнымъ рабствомъ, въ которое онъ приводитъ людей, подпавшихъ ему. Люди, подпавшіе этому обману, воображая, что они, повинуясь правительству, повинуются сами себѣ, уже никогда не рѣшаются ослушаться постановленій человѣческой власти, хотя бы они и были противны не только ихъ личнымъ вкусамъ, выгодамъ, желаніямъ, но и высшему закону и ихъ совѣсти. А между тѣмъ дѣйствія и распоряженія правительства такихъ мнимо-самоуправляющихся народовъ, обусловливаемыя сложной борьбой партій и интригъ, борьбой честолюбія и корыстолюбія, такъ же мало зависятъ отъ воли и желанія всего народа, какъ и дѣйствія и

распоряженія самыхъ деспотическихъ правительствъ. Люди эти подобны заключеннымъ въ тюрьмахъ, воображающихъ, что они свободны, если имѣютъ право подавать голосъ при выборѣ тюремщиковъ для внутреннихъ хозяйственныхъ распоряженій тюрьмы.

Членъ самаго деспотическаго дагомейскаго народа можетъ быть вполнѣ свободенъ, хотя и можетъ подвергнуться жестокимъ насиліямъ отъ власти, которую не онъ устанавливалъ; членъ же конституціоннаго государства всегда рабъ, потому что, воображая, что онъ участвовалъ или можетъ участвовать въ своемъ правительствѣ, онъ признаетъ законность всякаго совершаемаго надъ нимъ насилія, повинуется всякому распоряженію власти, такъ что люди конституціонныхъ государствъ, воображая, что они свободны, именно вслѣдствіе этого воображенія, утрачиваютъ даже понятіе о томъ, въ чемъ состоитъ истинная свобода. Такіе люди, воображая, что они освобождаютъ себя, все болѣе и болѣе отдаются въ все большее и большее рабство своимъ правительствамъ. Ничто такъ ясно не показываетъ того все бо̀льшаго и бо̀льшаго порабощенія народовъ, какъ распространеніе и успѣхъ соціалистическихъ теорій, т. е. стремленіе ко все большему и большему порабощенію.

Хотя русскіе люди въ этомъ отношеніи и находятся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, такъ какъ они до сихъ поръ никогда не участвовали во власти и не развращались этимъ участіемъ, но и русскіе люди, какъ и другіе народы, подвергались всѣмъ обманамъ возвеличенія власти, клятвы, присяги, престижу величія государства, отечества, и также считаютъ своей обязанностью во всемъ повиноваться правительству. Въ послѣднее же время легкомысленные люди русскаго общества стараются привести русскій народъ и къ тому конституціонному рабству, въ которомъ находятся европейскіе народы.

Такъ что главнымъ послѣдствіемъ непринятія заповѣди непротивленія, кромѣ бѣдствія всеобщаго вооруженія и войнъ, было еще все большее и большее лишеніе свободы людей, исповѣдующихъ извращенный законъ Христа.

VI.

Первая внѣшняя причина предстоящаго переворота.

Извращеніе ученія Христа съ непризнаніемъ заповѣди непротивленія привело христіанскіе народы къ взаимной враждѣ и къ вытекающимъ изъ нея бѣдствіямъ и все усиливающемуся рабству, и люди христіанскаго міра начинаютъ чувствовать тяжесть этого рабства. Въ этомъ основная, общая причина предстоящаго переворота. Частныя же временныя причины, сдѣлавшія то, что переворотъ этотъ начинается именно теперь, заключаются, во-первыхъ, въ обличившемся въ японской войнѣ безуміи все растущаго милитаризма народовъ христіанскаго міра и, во-вторыхъ, — во все увеличивающихся бѣдственности и недовольствѣ рабочаго народа, происходящихъ отъ лишенія этого народа его законнаго и естественнаго права пользованія землей.

Двѣ причины эти общи всѣмъ христіанскимъ народамъ, но, по особеннымъ историческимъ условіямъ жизни русскаго народа, онѣ рѣзче, живѣе другихъ народовъ, чувствуются русскимъ народомъ, и именно теперь. Бѣдственность своего положенія, вытекающая изъ повиновенія правительству, особенно ясна стала русскому народу, я думаю, не только вслѣдствіе той ужасной, нелѣпой войны, въ которой онъ былъ вовлеченъ своимъ правительствомъ, но и потому, что русскій народъ всегда иначе относился къ власти, чѣмъ европейскіе народы. Русскій народъ никогда не боролся съ властью и, главное, никогда не участвовалъ въ ней, не развращался участіемъ въ ней.

Русскій народъ всегда смотрѣлъ на власть не какъ на благо, къ которому свойственно стремиться каждому человѣку, какъ смотритъ на власть большинство европейскихъ народовъ (и какъ, къ сожалѣнію, смотрятъ уже нѣкоторые испорченные люди русскаго народа), но смотрѣлъ всегда на власть, какъ на зло, отъ котораго человѣкъ долженъ устраняться. Большинство людей русскаго народа поэтому всегда предпочитало нести всякія тѣлесныя бѣдствія, происходящія отъ насилія, чѣмъ нести духовную отвѣтственность за участіе въ немъ. Такъ что русскій народъ въ своемъ большинствѣ подчинялся и подчиняется власти не потому, что не можетъ свергнуть ее, какъ тому хотятъ научить его революціонеры, и не принимаетъ въ ней участія не потому, что не можетъ добиться этого участія, чему хотятъ научить его либералы, а потому, что всегда въ своемъ большинствѣ предпочиталъ и предпочитаетъ подчиненіе насилію, борьбѣ съ нимъ, или участію въ немъ. Отъ этого установилось и держалось въ Россіи всегда деспотическое правленіе, т. е. простое насиліе сильнаго и желающаго бороться надъ слабымъ или не желающимъ бороться.

Легенда о призваніи варяговъ, составленная очевидно послѣ того, какъ варяги уже завоевали славянъ, вполнѣ выражаетъ отношеніе русскихъ людей къ власти даже до христіанства. «Мы сами не хотимъ участвовать въ грѣхахъ власти. Если вы не считаете это грѣхомъ, приходите и властвуйте». Этимъ же отношеніемъ къ власти объясняется та покорность русскихъ людей самымъ жестокимъ и безумнымъ, часто даже не русскимъ самодержцамъ, начиная отъ Іоанна IV и до Николая II.

Такъ въ старину смотрѣлъ русскій народъ на власть и свои отношенія къ ней. Такъ въ своемъ большинствѣ смотритъ онъ на нее и теперь. Правда, что, какъ и въ другихъ государствахъ, тѣ же обманы внушенія,

посредствомъ которыхъ христіанскихъ людей заставляли незамѣтно не только подчиняться, но и повиноваться ей въ дѣлахъ, противныхъ христіанству, произведены были и надъ русскимъ народомъ. Но обманы эти захватили только верхніе, испорченные слои народа, большинство же его удержало тотъ взглядъ на власть, при которомъ человѣкъ считаетъ лучшимъ нести страданія отъ насилія, чѣмъ участвовать въ немъ.

Причина такого отношенія русскаго народа къ власти—я думаю—заключается въ томъ, что въ русскомъ народѣ, больше чѣмъ въ другихъ народахъ, удержалось истинное христіанство, какъ ученіе братства, равенства, смиренія и любви, то христіанство, которое дѣлаетъ рѣзкое различіе между подчиненіемъ насилію и повиновеніемъ ему. Истинный христіанинъ можетъ подчиняться, даже не можетъ не подчиняться безъ борьбы всякому насилію, но не можетъ повиноваться ему, т. е. признавать его законность. Какъ ни старались и ни стараются правительства вообще и русское въ особенности замѣнить это истинное христіанское отношеніе къ власти православно-государственнымъ ученіемъ,—христіанскій духъ и различеніе между *подчиненіемъ* и *повиновеніемъ* власти продолжаетъ жить въ русскомъ рабочемъ народѣ, въ огромномъ большинствѣ его.

Несогласіе правительственнаго насилія съ христіанствомъ никогда не переставало чувствоваться большинствомъ русскихъ людей. Въ особенности же сильно и опредѣленно чувствовалось это противорѣчіе наиболѣе чуткими христіанами между не принадлежавшими къ извращенному ученію православія, такъ называемыми сектантами. Эти, разныхъ наименованій христіане, не признавали законности власти правительства. Большинство ради страха покорялось признаваемымъ ими незаконными требованіямъ правительства, нѣкоторые же, малая часть, разными хитростями обхо-

дили эти требованія или убѣгали отъ нихъ. Когда же введеніемъ общей воинской повинности государственное насиліе какъ бы бросило вызовъ всѣмъ истиннымъ христіанамъ, требуя отъ всякаго человѣка готовности къ убійству, многіе православные русскіе люди начали понимать несогласіе христіанства съ властью. Христіане же, не православные, самыхъ различныхъ вѣроисповѣданій, стали прямо отказываться отъ солдатства. И хотя такихъ отказовъ было не много (едва ли одинъ на тысячу призываемыхъ), значеніе ихъ было велико тѣмъ, что отказы эти, вызвавшіе жестокія казни и гоненія правительства, открывали глаза уже не однимъ сектантамъ, а всѣмъ русскимъ людямъ на нехристіанскія требованія правительства, и огромное большинство людей, прежде не думавшихъ о противорѣчіи закона божескаго и человѣческаго, увидали это противорѣчіе. И среди большинства русскаго народа началась та невидимая, глухая, не подлежащая взвѣшиванію работа освобожденія сознанія.

Таково было положеніе русскаго народа, когда возникла жестокая, не имѣющая никакихъ оправданій японская война. И вотъ эта-то война, при развитіи грамотности, при всеобщемъ недовольствѣ и, главное, при необходимости вызова въ первый разъ сотенъ тысячъ разсѣянныхъ по всей Россіи пожилыхъ, отрываемыхъ отъ семей и разумнаго труда людей (запасныхъ), для явно безумнаго и жестокаго дѣла—война эта была тѣмъ толчкомъ, который превратилъ невидную, глухую, внутреннюю работу въ явное сознаніе незаконности, грѣховности повиновенія правительству.

И сознаніе это выразилось и выражается теперь въ самыхъ разнообразныхъ и значительныхъ явленіяхъ: въ сознательныхъ отказахъ запасныхъ отъ вступленія въ войска, въ такихъ же сознательныхъ отказахъ стрѣлять и драться, особенно въ отказахъ стрѣлять въ своихъ, при усмиреніи возмущеній, а, главное,

во все учащающихся и учащающихся отказахъ отъ присяги и солдатства.

Таковы сознательныя проявленія незаконности и ненужности повиновенія правительству. Безсознательныя же проявленія этого же самаго, это все то, что творится теперь какъ революціонерами, такъ и ихъ врагами: таковы бунты моряковъ въ Черномъ морѣ, Кронштадтѣ, военные бунты въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ, погромы, самоуправства, крестьянскіе бунты. Престижъ власти разрушенъ, и передъ русскими людьми нашего времени, передъ огромнымъ большинствомъ ихъ, возникъ во всемъ великомъ значеніи вопросъ о томъ, должно ли, слѣдуетъ ли повиноваться правительству.

Въ этомъ возникшемъ въ русскомъ народѣ вопросѣ—одна изъ причинъ предстоящаго, а можетъ быть и начавшагося великаго всемірнаго переворота.

VII.

Вторая внѣшняя причина предстоящаго переворота.

Вторая внѣшняя причина предстоящаго переворота въ томъ, что рабочій народъ лишенъ своего естественнаго, законнаго права пользованія землей, и что это лишеніе довело народы христіанскаго міра до все увеличивающейся и увеличивающейся бѣдственности рабочаго народа и все увеличивающейся озлобленности его противъ пользующихся его трудами сословій. Причина эта особенно живо чувствуется въ Россіи потому, что только въ Россіи большинство рабочаго народа живетъ еще земледѣльческой жизнью, и русскіе люди только теперь, вслѣдствіе увеличенія населенія и недостатка земли, поставлены въ необходимость или оставлять ту, привычную имъ земледѣльческую жизнь, въ которой одной они полагаютъ возможнымъ осуществленіе христіанскаго общежитія, или перестать повино-

ваться правительству, которое удерживаетъ за частными владѣльцами отнятую у народа землю.

Обыкновенно думаютъ, что самое жестокое рабство есть рабство личное, когда одинъ человѣкъ можетъ сдѣлать надъ другимъ все, что̀ хочетъ: истязать, изуродовать, убить его, и что то, что̀ мы даже не называемъ рабствомъ: лишеніе человѣка возможности пользоваться землей,—есть только нѣкоторое, не совсѣмъ справедливое, экономическое учрежденіе.

Но мнѣніе это совершенно несправедливо.

То, что̀ сдѣлалъ Іосифъ съ египтянами, что́ дѣлали всѣ завоеватели надъ завоеванными народами, что́ дѣлаютъ теперь люди надъ людьми, лишая ихъ возможности пользоваться землей,—есть самое ужасное и жестокое порабощеніе. Рабъ личный—рабъ одного, человѣкъ же, лишенный права пользоваться землей,—рабъ всѣхъ. Но не въ этомъ главное бѣдствіе раба земельнаго. Какъ ни жестокъ могъ быть хозяинъ личнаго раба, онъ, въ виду своей выгоды, не заставлялъ раба, чтобы не лишиться его, не переставая работать, не мучилъ, не морилъ его голодомъ; лишенный же земли рабъ всегда долженъ черезъ силу работать, мучиться, голодать и никогда ни минуты не можетъ быть вполнѣ обезпеченнымъ, т. е. свободнымъ отъ произвола людей и преимущественно отъ произвола недобрыхъ, корыстныхъ людей. И въ этомъ еще не главное бѣдствіе земельнаго раба. Главное его бѣдствіе въ томъ, что онъ не можетъ жить нравственной жизнью. Не живя трудами съ земли, не борясь съ природой, онъ долженъ неизбѣжно бороться съ людьми: силой или хитростью стараются отбирать у нихъ то, что̀ они пріобрѣли отъ земли и отъ трудовъ другихъ людей.

Земельное рабство не есть, какъ думаютъ даже и тѣ, которые признаютъ лишеніе людей земли рабствомъ, одна изъ остающихся формъ рабства, а есть коренное, основное рабство, изъ котораго вырастаетъ и вы-

росло всякое рабство, и которое несравненно мучительнѣе личнаго рабства. Личное рабство есть только одинъ изъ частныхъ случаевъ злоупотребленія земельнымъ рабствомъ, такъ что освобожденіе людей отъ личнаго рабства безъ освобожденія ихъ отъ земельнаго рабства есть не освобожденіе, а только прекращеніе одного изъ злоупотребленій рабства, и во многихъ случаяхъ, какъ это было въ Россіи при освобожденіи крѣпостныхъ съ малымъ количествомъ земли, есть обманъ, только на время скрывающій отъ рабовъ ихъ положеніе.

Русскій народъ понималъ это всегда, при крѣпостномъ правѣ, говоря: «мы ваши, а земля наша», и при освобожденіи не переставая всѣмъ народомъ требовалъ и ожидалъ освобожденія земли. Народъ поманили, давъ ему при освобожденіи отъ крѣпостного права немного земли, и онъ на время затихъ, но при увеличившемся населеніи при той же землѣ, вопросъ возникъ для него вновь и въ самой ясной и опредѣленной формѣ.

Пока народъ былъ крѣпостной, онъ пользовался землею въ тѣхъ размѣрахъ, которые были необходимы ему для существованія. О распредѣленіи же увеличивающагося населенія заботилось правительство и помѣщики, и народу не видна была основная несправедливость захвата земель частными лицами. Но какъ скоро снято было крѣпостное право, уничтожилась забота правительства и помѣщиковъ объ экономическомъ, земледѣльческомъ хоть не благосостояніи, а возможности существованія народа. Количество земли, которымъ крестьяне могли владѣть, было разъ навсегда опредѣлено безъ возможности его увеличенія, а населеніе увеличивалось, и народъ все яснѣе и яснѣе видѣлъ, что такъ жить нельзя. И онъ ждалъ, что правительство отмѣнитъ законы, лишавшіе его земли. Ждалъ 10, 20, 30, 40 лѣтъ, а земля все больше и больше захватывалась частными владѣльцами, и народу былъ поставленъ вы-

боръ: голодать, не размножаться, или совсѣмъ бросать сельскую жизнь и образовывать поколѣнія грабарей, ткачей, слесарей. Прошло полстолѣтія, положеніе его все ухудшалось и ухудшалось и дошло, наконецъ, до того, что сталъ разрушаться тотъ строй жизни, который онъ считаетъ необходимымъ для христіанской жизни; и правительство, мало того, что не даетъ ему земли, а, отдавая ее своимъ слугамъ и удерживая за ними, внушаетъ народу, чтобы онъ не надѣялся на свободу земли, и устраиваетъ ему, по европейскому образцу, съ фабричными инспекторами промышленную жизнь, которую онъ считаетъ дурной и грѣховной.

Лишеніе народа его законнаго права на землю — главная причина бѣдственнаго положенія русскаго народа. И та же причина лежитъ въ основѣ бѣдственности и недовольства своимъ положеніемъ рабочаго народа Европы и Америки. Разница только въ томъ, что отъемъ земли у европейскихъ народовъ признаніемъ законности частной земельной собственности совершился такъ давно, столько новыхъ отношеній легло сверхъ этой несправедливости, что люди Европы и Америки не видятъ истинной причины своего положенія и ищутъ ее вездѣ: въ отсутствіи рынковъ, въ тарифахъ, въ неправильномъ обложеніи, въ капитализмѣ, во всемъ, только не въ отнятіи у народа права на землю.

Русскимъ же людямъ явно видна основная несправедливость, еще не вполнѣ совершенная надъ ними.

Русскіе люди, живя на землѣ, видятъ ясно то, что хотятъ сдѣлать съ ними, и не могутъ примириться съ этимъ.

Безсмысленныя и губительныя вооруженія и войны и лишеніе народа общаго права на землю, таковы, по моему мнѣнію, причины предстоящаго всему христіанскому міру переворота. Начинается же этотъ переворотъ не гдѣ-нибудь, а именно въ Россіи, потому, что нигдѣ, какъ въ русскомъ народѣ, не удержалось

въ такой силѣ и чистотѣ христіанское міровоззрѣніе, и нигдѣ, какъ въ Россіи, не удержалось еще земледѣльческое состояніе большинства народа.

VIII.

Каково будетъ положеніе людей, отказавшихся отъ повиновенія?

Русскій народъ раньше другихъ народовъ христіанскаго міра, благодаря своимъ особеннымъ свойствамъ и условіямъ жизни, приведенъ къ сознанію бѣдственности, происходящей отъ повиновенія насильнической, государственной власти. И въ этомъ сознаніи и стремленіи освободиться отъ насилія власти заключается, по моему мнѣнію, сущность того переворота, который предстоитъ не только русскому народу, но и всѣмъ народамъ христіанскаго міра.

Людямъ, живущимъ въ государствахъ, основанныхъ на насиліи, кажется, что уничтоженіе власти правительствъ неизбѣжно повлечетъ за собой величайшія бѣдствія.

Но вѣдь утвержденіе о томъ, что та степень безопасности и блага, которыми пользуются люди, обезпечивается государственной властью, — совершенно произвольно. Мы знаемъ тѣ бѣдствія и тѣ блага, если они есть, которыми пользуются люди, живущіе въ государственномъ устройствѣ, но не знаемъ того положенія, въ которомъ бы были люди, упразднившіе государство. Если же принять въ соображеніе жизнь тѣхъ небольшихъ общинъ, которыя случайно жили и живутъ внѣ большихъ государствъ, то такія общины, пользуясь всѣми благами общественнаго устройства, свободныя отъ государственнаго насилія, не испыты-

ваютъ одной сотой тѣхъ бѣдствій, которыя испытываютъ люди, повинующіеся государственной власти.

О невозможности жить безъ государственнаго устройства вѣдь говорятъ преимущественно тѣ самые люди правящихъ классовъ, для которыхъ выгодно то государственное устройство. Но спросите у тѣхъ людей, которые несутъ только тяжести государственной власти, у земледѣльцевъ, у 100 милліоновъ крестьянъ въ Россіи, они чувствуютъ только тяжесть ея, и не только не считаютъ себя обезпеченными государственной властью, но совершенно не нуждаются въ ней.

Я много разъ во многихъ писаніяхъ своихъ старался показать, что то, чѣмъ пугаютъ людей, — тѣмъ, что безъ правительственной власти восторжествуютъ худшіе люди, лучшіе же будутъ угнетены, — что именно это самое давно уже совершилось и совершается во всѣхъ государствахъ, такъ какъ вездѣ власть въ рукахъ худшихъ людей, что́ и не можетъ быть иначе, потому что только худшіе люди могутъ дѣлать всѣ тѣ хитрости, подлости, жестокости, которыя нужны для участія во власти; много разъ я старался показать, что всѣ главныя бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ люди, какъ накопленіе огромныхъ богатствъ у однихъ людей и нищета большинства, захватъ земли неработающими на ней, неперестающія вооруженія и войны и развращеніе людей — происходятъ только отъ признанія законности правительственнаго насилія; старался показать, что для того, чтобы отвѣтить на вопросъ о томъ, хуже или лучше будетъ положеніе людей безъ правительствъ, надо прежде рѣшить вопросъ о томъ, изъ кого состоитъ правительство? Хуже или лучше средняго уровня людей — люди, составляющіе правительство? Если эти люди лучше средняго уровня, то правительство будетъ благотворно, если же хуже, то зловредно. А то, что́ эти люди, — Іоанны IV, Генрихи VIII, Мараты, Наполеоны, Аракчеевы, Меттернихи,

Талейраны и Николаи... — хуже общаго уровня, показываетъ исторія.

Во всякомъ обществѣ людей всегда есть люди властолюбивые, безсовѣстные, жестокіе, готовые для своей выгоды совершать всякаго рода насилія, грабежи, убійства; и въ обществѣ безъ правительства эти люди будутъ разбойниками, сдерживаемые въ своихъ поступкахъ отчасти борьбой съ оскорбленными ими людьми (самосудъ, линчеванье), отчасти и преимущественно — могущественнѣйшимъ орудіемъ воздѣйствія на людей — общественнымъ мнѣніемъ. Въ обществѣ же, управляемомъ насильнической властью, эти самые люди, захватятъ власть и будутъ пользоваться ею, не только не сдерживаемые общественнымъ мнѣніемъ, а, напротивъ, поддерживаемые, восхваляемые, возвеличиваемые подкупленнымъ и искусственно вызваннымъ общественнымъ мнѣніемъ.

Говорятъ: какъ могутъ люди жить безъ правительствъ, т.-е. насилія. Надо сказать напротивъ: какъ могутъ люди, разумныя существа, жить, признавая внутренней связью своей жизни насиліе, а не разумное согласіе.

Одно изъ двухъ: разумныя или неразумныя существа люди? Если они неразумныя существа, то все между ними можетъ и должно рѣшаться насиліемъ, и нѣтъ причины однимъ имѣть, а другимъ не имѣть права насилія. Если же люди — разумныя существа, то ихъ отношенія должны быть основаны не на насиліи, а на разумѣ.

Казалось, доводъ этотъ долженъ бы быть убѣдителенъ для людей, признающихъ себя разумными существами. Но люди, защищающіе государственную власть, не думаютъ о человѣкѣ, объ его свойствахъ, объ его разумной природѣ, они говорятъ объ извѣстномъ соединеніи людей, которому они придаютъ какое-то сверхъестественное, мистическое значеніе.

Что станетъ съ Россіей, Франціей, Британіей, Германіей, говорятъ они, если люди перестанутъ повиноваться правительствамъ?

Что станетъ съ Россіей? — Россія? Что такое Россія? Гдѣ ея начало, гдѣ конецъ? Польша? Остзейскій край? Кавказъ со всѣми своими народами? Казанскіе татары? Ферганская область? Амуръ? Все это не только не Россія, но все это чужіе народы, желающіе освобожденія отъ того соединенія, которое называется Россіей. То, что эти народы считаются частью Россіи, есть случайное, временное явленіе, обусловливаемое въ прошедшемъ цѣлымъ рядомъ историческихъ событій, преимущественно насилій, несправедливостей и жестокостей; въ настоящемъ же соединеніе это держится только той властью, которая распространяется на эти народы.

На нашей памяти Ницца была Италіей, вдругъ стала Франціей; Эльзасъ былъ Франціей, сталъ Пруссіей; Приморская область была Китаемъ, стала Россіей; Сахалинъ былъ Россіей, сталъ Японіей. Нынче власть Австріи распространяется на Венгрію, Богемію, Галицію, а англійскаго правительства — на Ирландію, Канаду, Австралію, Египетъ и мн. др.; русскаго правительства на Польшу, Грузію и т. д. Но завтра власть эта можетъ прекратиться. Единственная сила, связывающая воедино всѣ эти Россіи, Австріи, Британіи, Франціи, это власть. Власть же есть произведеніе людей, которые противно своей разумной природѣ и закону свободы, открытому Христомъ, повинуются людямъ, требующимъ отъ нихъ дурныхъ дѣлъ насилія. Стоитъ только людямъ сознать свою, свойственную разумнымъ существамъ, свободу и перестать дѣлать дѣла, противныя ихъ совѣсти и закону, и не будетъ этихъ искусственныхъ, кажущихся столь величественными, соединеній Россій, Британій, Германій, Францій, — того самаго, во имя чего люди жертвуютъ не только своей жизнью, но и свойственной разумнымъ существамъ свободой.

Стоитъ только людямъ перестать повиноваться властямъ ради тѣхъ, нигдѣ не существующихъ, кромѣ какъ въ ихъ воображеніи, кумировъ единой Россіи, Франціи, Британіи, Соединенныхъ Штатовъ, и сами собою исчезнутъ эти ужасные кумиры, которые теперь губятъ тѣлесное и душевное благо людей.

Принято говорить, что образованіе большихъ государствъ изъ мелкихъ, постоянно борящихся между собой, — замѣняя внѣшней, большой границей мелкія разграниченія, — уменьшило тѣмъ самымъ борьбу и кровопролитіе и зло борьбы. Но утвержденіе это совершенно произвольно, такъ какъ никто не взвѣсилъ количества зла и въ томъ и въ другомъ положеніи. И трудно думать, что всѣ войны удѣльнаго періода въ Россіи, Бургундіи, Фландріи, Нормандіи, во Франціи стоили бы столько жертвъ, сколько войны Наполеона, Александра, сколько японская только что окончившаяся война.

Единственное оправданіе увеличенія государства это образованіе всемірной монархіи, при существованіи которой уничтожилась бы возможность войнъ. Но всѣ попытки образованія такой монархіи, отъ Александра Македонскаго и Римской имперіи до Наполеона, никогда не достигали цѣли умиротворенія, а напротивъ, были причиной величайшихъ бѣдствій для народовъ. Такъ что умиротвореніе людей никакъ не можетъ быть достигнуто увеличеніемъ и усиленіемъ государствъ. Достигнуто это можетъ быть только обратнымъ: уничтоженіемъ государствъ съ ихъ насильнической властью.

Были и жестокія и губительныя суевѣрія, людскія жертвы, костры за колдовство, войны за вѣру, пытки... Но вѣдь люди освободились отъ этихъ суевѣрій. Суевѣріе же государства, какъ чего-то священнаго, продолжаетъ властвовать надъ людьми, и суевѣрію этому приносятся едва ли не болѣе жестокія и губитель-

ныя жертвы, чѣмъ всѣмъ прежнимъ. Сущность этого суевѣрія въ томъ, что людей разныхъ мѣстностей, нравовъ, интересовъ увѣряютъ, что они всѣ составляютъ одно цѣлое, потому что одно и то же насиліе употребляется надъ всѣми ими, и люди вѣрятъ въ это и гордятся своей принадлежностью къ этому соединенію.

Суевѣріе это существуетъ такъ давно и такъ усиленно поддерживается, что не только всѣ тѣ люди, которые пользуются этимъ суевѣріемъ: короли, министры, генералы, военные, чиновники увѣрены въ томъ, что существованіе, утвержденіе и увеличеніе этихъ искусственныхъ единицъ составляетъ благо тѣхъ людей, которые захвачены этими соединеніями, но и эти самые люди такъ привыкаютъ къ этому суевѣрію, что гордятся своей принадлежностью къ Россіи, Франціи, Германіи, хотя эта принадлежность ни на что имъ не нужна и ничего кромѣ зла не доставляетъ имъ.

И потому, если уничтожатся искусственныя соединенія въ большія государства вслѣдствіе того, что люди покорно, безъ борьбы, подчиняясь всякому насилію, перестанутъ повиноваться правительству, то такое уничтоженіе сдѣлаетъ только то, что среди такихъ людей будетъ меньше насилія, меньше страданій, меньше зла, и что такимъ людямъ будетъ легче жить согласно тому высшему закону взаимнаго служенія, который уже 2500 лѣтъ тому назадъ былъ открытъ людямъ и понемногу все болѣе и болѣе входитъ въ сознаніе человѣчества.

Вообще же всему русскому народу, — какъ городскому, такъ и сельскому населенію, — надо, главное, въ такое важное, рѣшительное время, какъ теперешнее, не жить чужимъ опытомъ, чужими мыслями, понятіями, словами, разными соціалъ-демократіями, конституціями, экспропріаціями, бюро, делегатами, кандида-

турой, мандатами и т. д., а — думать своимъ умомъ, жить своей жизнью, вырабатывая изъ своего прошедшаго, изъ своихъ духовныхъ основъ, свойственныя этому прошедшему и этимъ основамъ свои новыя формы жизни.

IX.

Какая дѣятельность людей будетъ содѣйствовать предстоящему перевороту.

Переворотъ, предстоящій теперь человѣчеству, состоитъ въ освобожденіи себя отъ обмана повиновенія человѣческой власти. И такъ какъ сущность этого переворота совсѣмъ иная, чѣмъ сущность всѣхъ прежде бывшихъ въ христіанскомъ мірѣ революцій, то и дѣятельность людей, участвующихъ въ этомъ переворотѣ, не можетъ не быть совсѣмъ иная, чѣмъ дѣятельность участниковъ прежнихъ революцій.

Дѣятельность участниковъ прежнихъ революцій состояла въ насильственномъ сверженіи власти и захватѣ ея. Дѣятельность участниковъ теперешняго переворота должна и можетъ состоять только въ прекращеніи потерявшаго смыслъ повиновенія какой бы то ни было насильнической власти, и въ устроеніи своей жизни независимо отъ правительства.

Мало того, что дѣятельность участниковъ предстоящаго переворота иная, чѣмъ дѣятельность участниковъ прежнихъ переворотовъ, но и главные участники этого переворота совсѣмъ другіе, и мѣсто, гдѣ онъ долженъ происходить, иное, и количество участниковъ иное.

Участники прежнихъ революцій — это преимущественно люди высшихъ, освобожденныхъ отъ физическаго труда профессій, и руководимые этими людьми городскіе рабочіе; участники же предстоящаго переворота должны быть и будутъ преимущественно на-

родныя земледѣльческія массы. Мѣста, въ которыхъ начинались и происходили прежнія революціи, были города; мѣсто теперешней революціи — должна быть преимущественно деревня. Количество участниковъ прежнихъ революцій — десять, двадцать процентовъ всего народа; количество участниковъ теперешней совершающейся въ Россіи революціи должно быть 80, 90%.

И потому вся дѣятельность волнующихся городскихъ людей въ Россіи, которые, подражая Европѣ, собираются въ союзы, дѣлаютъ принудительныя стачки, демонстраціи, бунты, придумываютъ новыя формы правленія, — не говоря уже о тѣхъ несчастныхъ, озвѣрѣвшихъ людяхъ, которые совершаютъ смертоубійства, думая этимъ служить начинающемуся перевороту, — вся дѣятельность этихъ людей не только не соотвѣтствуетъ имѣющему совершиться перевороту, но гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ правительства (они, сами не зная того, самые вѣрные помощники правительства), останавливаетъ его ходъ, ложно направляетъ и тормозитъ его.

Опасность, угрожающая теперь русскому народу, не въ томъ, что не будетъ свергнуто силою существующее насильническое правительство и не будетъ поставлено на его мѣсто другое, также насильническое, какое бы то ни было демократическое или даже соціалистическое, а въ томъ, что эта борьба съ правительствомъ вовлечетъ народъ въ насильническую дѣятельность. Опасность въ томъ, что русскій народъ, по своему особенному положенію призванный къ указанію мирнаго и вѣрнаго пути освобожденія, вмѣсто этого будетъ вовлеченъ людьми, не понимающими всего значенія совершающагося переворота, въ рабское подражаніе прежде бывшимъ революціямъ и, бросивъ тотъ спасительный путь, на которомъ онъ стоитъ, пойдетъ по тому ложному пути, по которому къ своей вѣрной погибели идутъ остальные народы христіанскаго міра.

Для того, чтобы избавиться отъ этой опасности, русскимъ людямъ надо прежде всего быть самими собою, не справляться о томъ, какъ поступать и что дѣлать, у европейскихъ и американскихъ конституцій, или въ соціалистическихъ проектахъ, а справляться и спрашивать совѣта только у своей совѣсти. Русскимъ людямъ, для того, чтобы исполнить то великое дѣло, которое предстоитъ имъ, надо не только не заботиться о политическомъ управленіи Россіи и объ обезпеченіи свободы гражданъ русскаго государства, но прежде всего освободиться отъ самаго понятія русскаго государства, а потому и отъ заботъ о правахъ гражданъ этого государства. Русскимъ людямъ въ настоящую минуту, для того, чтобы достигнуть освобожденія, надо не только не предпринимать что-либо, но, напротивъ, надо воздерживаться отъ всякихъ предпріятій, какъ отъ тѣхъ, въ которыя ихъ втягиваетъ правительство, такъ и отъ тѣхъ, въ которыя могутъ втянуть ихъ революціонеры и либералы.

Русскому народу, большинству его, крестьянамъ, нужно продолжать жить, какъ они всегда жили, своей земледѣльческой, мірской, общинной жизнью, и безъ борьбы переносить, т.-е. подчиняться всякому, какъ правительственному, такъ неправительственному насилію, но не повиноваться требованіямъ участія въ какомъ бы то ни было правительственномъ насиліи, не давать добровольно податей, не служить добровольно ни въ полиціи, ни въ администраціи, ни въ таможнѣ, ни въ войскѣ, ни во флотѣ, ни въ какомъ бы то ни было насильническомъ учрежденіи. Точно также и еще строже, надо крестьянамъ воздерживаться отъ насилія, къ которымъ возбуждаютъ ихъ революціонеры. Всякое насиліе крестьянъ надъ землевладѣльцами вызоветъ борьбу съ отвѣтнымъ насиліемъ и во всякомъ случаѣ кончится установленіемъ такого или другого, но непремѣнно насильническаго правительства. А при всякомъ

насильническомъ правительствѣ — какъ это происходитъ въ самыхъ свободныхъ земляхъ Европы и Америки, точно такъ же объявляются и ведутся безсмысленныя, жестокія войны и точно такъ же земля продолжаетъ быть собственностью богачей. Только неучастіе народа ни въ какомъ насиліи можетъ уничтожить всѣ насилія, отъ которыхъ онъ страдаетъ, прекратить возможность нескончаемыхъ вооруженій и войнъ и можетъ уничтожить земельную собственность.

Такъ надо поступать крестьянамъ - земледѣльцамъ для того, чтобы совершающійся переворотъ принесъ благія послѣдствія.

Людямъ же городскихъ сословій: дворянамъ, купцамъ, врачамъ, ученымъ, писателямъ, техникамъ и проч., которые теперь заняты революціей, надо прежде всего понять свое ничтожество, хотя бы только численное — одного противъ ста — въ сравненіи съ земледѣльческимъ народомъ; понять, что цѣль совершающагося переворота не можетъ быть и не должна состоять въ учрежденіи новаго политическаго, насильническаго строя съ какимъ бы то ни было всеобщимъ голосованіемъ, съ какими бы то ни было усовершенствованными соціалистическими учрежденіями, а цѣль эта можетъ и должна состоять только въ освобожденіи всего и въ особенности большинства его, стомилліоннаго, земледѣльческаго народа отъ всякаго рода насилія, отъ военнаго насилія — солдатства, отъ податного насилія — пошлинъ и податей, и отъ земельнаго насилія — захвата земли землевладѣльцами, и что для этого нужна совсѣмъ не та суетливая, неразумная и недобрая дѣятельность, которой теперь заняты русскіе либералы и революціонеры, а совсѣмъ другое. Люди эти должны понять, что революція не дѣлается нарочно: «дай мы сдѣлаемъ революцію», что революцію нельзя дѣлать по готовымъ образцамъ, подражая тому, что̀ дѣлалось сто лѣтъ тому назадъ, при совершенно

другихъ условіяхъ. — Главное же люди эти должны понять, что революція только тогда улучшаетъ положеніе людей, когда люди, сознавъ неосновательность и бѣдственность прежнихъ основъ жизни, стремятся къ устроенію жизни на новыхъ основахъ, могущихъ дать имъ истинное благо, — когда у людей есть идеалы новой, лучшей жизни.

У людей же, теперь стремящихся сдѣлать въ Россіи политическую революцію по образцу европейскихъ революцій, нѣтъ ни какихъ-либо новыхъ основъ, ни какихъ-либо новыхъ идеаловъ. Они стремятся только къ тому, чтобы перемѣнить одну старую форму насилія на другую, точно такъ же осуществляемую насиліемъ и несущую съ собой тѣ же бѣдствія, какъ и тѣ, которыя терпитъ теперь русскій народъ, — какъ мы это видимъ въ Европѣ и Америкѣ, гдѣ тотъ же милитаризмъ, тѣ же подати, тотъ же захватъ земли.

То же, что большинство революціонеровъ выставляетъ своимъ идеаломъ соціалистическое устройство, которое можетъ быть достигнуто только самымъ жестокимъ насиліемъ и которое, если бы когда-нибудь и было достигнуто, лишило бы людей послѣднихъ остатковъ свободы, — показываетъ только то, что у людей этихъ нѣтъ никакихъ новыхъ идеаловъ. Идеаломъ нашего времени не можетъ быть измѣненіе формы насилія, а только полное упраздненіе его, достигаемое неповиновеніемъ человѣческой власти.

Ради того, чтобы освободиться отъ всѣхъ золъ, удручающихъ теперь рабочихъ людей, имъ нужно безъ борьбы, безъ насилія перестать повиноваться власти. И это же самое — покорное перенесеніе насилія и неповиновеніе власти — нужно и для исполненія того закона, который исповѣдуютъ христіанскіе народы. Христіанинъ, какъ христіанинъ, не можетъ повиноваться, а повинуясь — невольно участвовать въ той власти, которая вся основана на насиліи, держится насиліемъ и

не переставая совершаетъ самыя противныя закону христіанскому насилія: солдатство, войны, тюрьмы, казни, лишеніе народа возможности пользоваться землею. Такъ что, какъ тѣлесное благо людей, такъ и высшее, духовное, достигается только однимъ: перенесеніемъ безъ борьбы всякаго насилія, но — неучастіемъ въ немъ, *неповиновеніемъ власти.*

Такъ что, если люди городскихъ сословій хотятъ дѣйствительно служить совершающемуся великому перевороту, то первое, что они должны сдѣлать, это — оставить ту жестокую революціонную, неестественную, выдуманную дѣятельность, которой они теперь заняты, и, поселившись въ деревнѣ и раздѣляя трудъ народа, постараться, — научившись отъ него его терпѣнію, равнодушію и презрѣнію къ пользованію властью и, главное, трудолюбію, — не только не возбуждать людей, какъ они это теперь дѣлаютъ, къ насилію, а напротивъ, удерживать ихъ отъ всякаго участія въ насильнической дѣятельности, отъ всякаго повиновенія какой бы то ни было насильнической власти и служить людямъ своими, если это понадобится, книжными знаніями въ разъясненіи тѣхъ вопросовъ, которые неизбѣжно возникнутъ при упраздненіи правительства.

X.

Устройство общества, освободившагося отъ насильническаго правительства.

Но какъ, въ какихъ формахъ могутъ жить люди христіанскаго міра, если они не будутъ жить въ формѣ государства, повинуясь правительственной власти?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ тѣ самыя свойства русскаго народа, вслѣдствіе которыхъ я думаю,

что предстоящій переворотъ долженъ начаться и долженъ совершиться не гдѣ-нибудь, а именно въ Россіи.

Отсутствіе власти въ Россіи никогда не мѣшало общественному устройству земледѣльческихъ общинъ. Напротивъ, вмѣшательство правительственной власти всегда мѣшало этому внутреннему, свойственному русскому народу, устройству. Русскій народъ, какъ и большинство земледѣльческихъ народовъ, естественно складывается, какъ пчелы въ ульи, въ опредѣленныя общественныя отношенія, вполнѣ удовлетворяющія требованіямъ совмѣстной жизни людей. Вездѣ, гдѣ только русскіе люди осаживались безъ вмѣшательства правительства, они устанавливали между собой не насильническое, а основанное на взаимномъ согласіи, мірское, съ общиннымъ владѣніемъ землей, управленіе, которое вполнѣ удовлетворяло требованіямъ мирнаго общежитія. Такія общины заселили безъ помощи правительства всѣ восточныя окраины Россіи. Такія общины ходили въ Турцію, какъ Некрасовцы, и, удерживая свое христіанское общинное устройство, спокойно жили и живутъ тамъ подъ властью турецкаго султана. Такія общины, сами того не зная, переходили въ Китай, въ среднюю Азію, и жили тамъ долгое время, не нуждаясь ни въ какомъ, кромѣ своего внутренняго управленія, правительствѣ. И точно такъ же живутъ русскіе земледѣльческіе люди, огромное большинство населенія въ Россіи, не нуждаясь въ правительствѣ, а только терпя его. Правительство для русскаго народа никогда не было необходимостью, а всегда было тягостью.

Отсутствіе правительства, — того самаго правительства, которое удерживаетъ силою право на пользованіе землей за неработающими землевладѣльцами, — только будетъ содѣйствовать той общинной земледѣльческой жизни, которую русскій народъ считаетъ необходимымъ условіемъ хорошей жизни, содѣйствовать тѣмъ, что, уничтоживъ власть, поддерживающую земельную соб-

ственность, освободитъ землю и дастъ на нее одинаковыя, равныя права всѣмъ людямъ.

И потому русскимъ людямъ не нужно, при упраздненіи правительства, выдумывать тѣ новыя формы общежитія, которыя должны были бы замѣнить прежнія. Такія формы общежитія существуютъ среди русскаго народа, всегда были свойственны ему и удовлетворяли его требованіямъ общественной жизни.

Формы эти — это мірское, при равенствѣ всѣхъ членовъ міра, управленіе, артельное устройство при промышленныхъ предпріятіяхъ и общинное владѣніе землей. Переворотъ, который предстоитъ христіанскому міру и который начинается теперь въ русскомъ народѣ, тѣмъ и отличается отъ прежнихъ революцій, что прежнія разрушали, не ставя ничего на мѣсто разрушеннаго ими или ставя вмѣсто одной формы насилія другую. Въ предстоящемъ же переворотѣ ничего не нужно разрушать, нужно только перестать участвовать въ насиліи, не вырывать растенія, ставя на его мѣсто нѣчто искусственное и не живое, а только устранять все то, что мѣшало его росту. И потому содѣйствовать великому, совершающемуся теперь перевороту, будутъ не тѣ торопливые, дерзкіе и самоувѣренные люди, которые, — не понимая того, что причина зла, съ которымъ они борятся, въ насиліи, и, не представляя себѣ никакой формы жизни внѣ насилія, — слѣпо и необдуманно разрушаютъ существующее насиліе съ тѣмъ, чтобы замѣнить его новымъ. Содѣйствовать совершающейся революціи будутъ только тѣ люди, которые, ничего не разрушая, ничего не ломая, будутъ устраивать свою жизнь независимо отъ правительства, будутъ безъ борьбы нести всякое совершаемое надъ ними насиліе, но не будутъ участвовать въ правительствѣ, не будутъ повиноваться ему.

Русскому народу, земледѣльческому народу, огромному большинству, надо только продолжать жить, какъ

«Цивилизація, наша цивилизація—великое благо», говорятъ люди. Но вѣдь люди, которые такъ увѣрены въ этомъ, это тѣ немногіе люди, которые живутъ не только въ этой цивилизаціи, но *живутъ ею*, живутъ въ полномъ довольствѣ, живутъ почти праздно, въ сравненіи съ трудомъ рабочаго народа, только потому, что есть эта цивилизація.

Всѣ эти люди—короли, императоры, президенты, князья, министры, чиновники, военные, землевладѣльцы, купцы, техники, врачи, ученые, художники, учителя, священники, писатели—знаютъ, навѣрное знаютъ, что наша цивилизація есть такое великое благо, что нельзя допустить и мысли о томъ, чтобы она могла не только исчезнуть, но даже измѣниться. Но спросите у огромной массы земледѣльческаго народа—славянскаго, китайскаго, индійскаго, русскаго, у девяти десятыхъ человѣчества — благо или не благо та цивилизація, которая кажется такъ драгоцѣнна неземледѣльческимъ профессіямъ? И, странное дѣло,—девять десятыхъ человѣчества отвѣтятъ совершенно иначе. Они знаютъ, что имъ нужна земля, навозъ, орошеніе, солнце, дождь, лѣса, урожаи, нѣкоторыя простыя орудія труда, которыя можно дѣлать, не оставляя земледѣльческой жизни; но про цивилизацію они или не знаютъ, или, когда она представляется имъ въ видѣ разврата городовъ или въ видѣ несправедливыхъ судовъ съ своими тюрьмами и каторгами, или въ видѣ податей и устройства ненужныхъ дворцовъ, музеевъ, памятниковъ, или въ видѣ таможенъ, мѣшающихъ свободному обмѣну произведеній, или въ видѣ пушекъ, броненосцевъ, войскъ, разграбляющихъ страны,—они скажутъ, что если въ этомъ цивилизація, то она не только не нужна, но очень вредна имъ.

Люди, пользующіеся благами цивилизаціи, говорятъ, что она—благо для всего человѣчества, но вѣдь они въ этомъ вопросѣ не судьи и не свидѣтели, а—сторона.

Нѣтъ спора въ томъ, что мы далеко ушли по дорогѣ техническаго прогресса, но кто ушелъ по этой дорогѣ? То маленькое меньшинство, которое живетъ на шеѣ рабочаго народа; рабочій же народъ, тотъ, который обслуживаетъ всѣхъ людей, пользующихся цивилизаціей, продолжаетъ во всемъ христіанскомъ мірѣ жить такъ, какъ онъ жилъ 5, 6 вѣковъ тому назадъ, пользуясь только изрѣдка отбросами цивилизаціи. Если онъ живетъ и лучше, то разстояніе, отдѣляющее его положеніе отъ положенія богатыхъ классовъ не меньше, а скорѣе больше, чѣмъ то, которое отдѣляло его отъ богатыхъ за 6 вѣковъ тому назадъ. Я не говорю, что, понявъ, что цивилизація не есть абсолютное благо, какъ думаютъ многіе, мы должны бросить все, что выработали люди для борьбы съ природой; но я говорю, что для того, чтобы знать, что выработанное людьми дѣйствительно служитъ ихъ благу, надо, чтобъ всѣ люди пользовались этими благами, а не малое число; надо, чтобы люди не были вынуждены лишаться своего блага для другихъ людей, въ надеждѣ на то, что эти блага достанутся когда-то ихъ потомкамъ.

Мы смотримъ на египетскія пирамиды и ужасаемся на жестокость и нелѣпость тѣхъ людей, которые приказывали ихъ строить, какъ и на тѣхъ, которые исполняли ихъ приказанія. Но насколько жесточе, нелѣпѣе тѣ 10-ти, 36-ти этажные дома, которые люди нашего міра строятъ по городамъ и гордятся ими. Кругомъ земля со своими травами, лѣсами, чистыми водами, чистымъ воздухомъ, солнцемъ, птицами, звѣрями, а люди со страшными усиліями, загораживая отъ другихъ солнце, воздвигаютъ качающіеся отъ вѣтра 36-ти этажные дома въ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни травы, ни деревьевъ, и гдѣ все, и вода и воздухъ загажены, вся пища поддѣлана и испорчена, и жизнь трудна, нездорова. Развѣ это не признакъ явнаго умопомѣшательства цѣлаго общества людей, не только совершаю-

щихъ такія безумства, но еще и гордящихся ими? Но это не единственный примѣръ. Взгляните вокругъ себя, и вы на каждомъ шагу увидите такіе же 36-ти этажные дома, стоющіе египетскихъ пирамидъ.

Защитники цивилизаціи говорятъ: «мы готовы исправить дурное, но только чтобы все то, что выработало человѣчество, осталось нетронутымъ». Вѣдь то же самое говоритъ доктору погубившій дурною жизнью свое положеніе и здоровье развратникъ, который готовъ согласиться на все то, что совѣтуетъ ему врачъ, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему продолжать такъ же развратно жить. Такому человѣку мы говоримъ, что для того, чтобы ему улучшить свое положеніе, ему надо перестать жить, какъ онъ живетъ. То же самое пора сказать и понять христіанскому человѣчеству.

Безсознательная, а иногда и сознательная ошибка, которую дѣлаютъ люди, защищающіе цивилизацію, состоитъ въ томъ, что они цивилизацію, которая есть только орудіе, признаютъ за цѣль или результатъ и считаютъ ее всегда благомъ. Но вѣдь она будетъ благомъ только, когда властвующія въ обществѣ силы будутъ добрыми. Очень полезны взрывчатые газы для прокладки путей, но губительны въ бомбахъ. Полезно желѣзо для плуговъ, но губительно для ядеръ, тюремныхъ запоровъ.

Печать можетъ распространять добрыя чувства и мудрыя мысли, но еще съ бо̀льшимъ успѣхомъ—развратныя и ложныя. Вопросъ о томъ, полезна или вредна цивилизація, рѣшается тѣмъ, что̀ преобладаетъ въ данномъ обществѣ, — добро или зло. Въ нашемъ же обществѣ, гдѣ меньшинство давитъ большинство, она—великое зло. Она есть только лишнее орудіе угнетенія большинства властвующимъ меньшинствомъ.

Пора людямъ высшихъ классовъ понять, что то, что̀ они называютъ цивилизаціей, культурой, есть только и средство и послѣдствіе того рабства, въ которомъ

малая часть нерабочаго народа держитъ огромное большинство работающихъ.

Пора понять, что спасеніе наше не въ продолженіи того пути, по которому мы шли, и не въ удержаніи всего того, что̀ выработали, а въ признаніи того, что мы шли по ложной дорогѣ и зашли въ трясину, изъ которой надо выбраться, и что намъ не заботиться надо о томъ, чтобы удержать то, что̀ мы имѣемъ, а, напротивъ, смѣло побросать все то, наименѣе нужное, что̀ мы тащили на себѣ,—чтобы только какъ-нибудь (хоть на четверенькахъ) выбраться до твердаго берега.

Разумная и добрая жизнь вѣдь только въ томъ и состоитъ, что человѣкъ или люди выбираютъ изъ многихъ всегда предстоящихъ имъ поступковъ или путей тотъ, который болѣе разуменъ и добръ. И христіанскому человѣчеству въ его теперешнемъ положеніи необходимо выбрать одно изъ двухъ: или продолженіе того пути, при которомъ существующая цивилизація дастъ наибольшее благо немногимъ, удерживая въ нуждѣ и рабствѣ многихъ, или сейчасъ, не откладывая это въ далекое будущее, отказаться отъ части или хоть отъ всѣхъ тѣхъ благъ, которыя выработала эта цивилизація для немногихъ, если только эти блага мѣшаютъ освобожденію большинства людей отъ ихъ нужды и рабства.

XII.

Свободы и свобода.

То, что̀ люди нашего времени толкуютъ о какихъ-то отдѣльныхъ свободахъ: свободѣ слова, печати, совѣсти, свободѣ такихъ, а не иныхъ выборовъ, свободѣ сходокъ, союзовъ, труда и о многихъ другихъ, — очевидно показываетъ, что такіе люди, — какъ теперь наши русскіе революціонеры,—имѣютъ очень превратное

онъ живетъ теперь, земледѣльческой, общинной жизнью, но только *не участвовать въ дѣлахъ правительства и не повиноваться ему.*

Чѣмъ больше будетъ держаться русскій народъ такого свойственнаго ему общежитія, тѣмъ менѣе будетъ возможно вмѣшательство въ его жизнь правительственной, насильнической власти, и тѣмъ легче будетъ упразднена эта власть, все менѣе и менѣе находя поводовъ къ вмѣшательству, и все менѣе и менѣе находя помощниковъ для исполненія своихъ дѣлъ насилія.

И потому, на вопросъ о томъ, къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ людей прекращеніе повиновенія правительствамъ, можно навѣрное сказать, что послѣдствіемъ этого будетъ уничтоженіе того насилія, которое заставляло людей воевать другъ съ другомъ и лишало ихъ права пользоваться землей. Освобожденные же отъ насилія люди, не готовясь болѣе къ войнѣ и не воюя другъ съ другомъ и имѣя доступъ къ землѣ, естественно вернутся къ тому, свойственному вообще людямъ, самому радостному, здоровому и нравственному земледѣльческому труду, при которомъ усилія человѣка направлены на борьбу съ природой, а не съ людьми, къ тому труду, на которомъ зиждутся всѣ другія отрасли труда, и который можетъ быть оставленъ только людьми, живущими насиліемъ.

Прекращеніе повиновенія правительствамъ должно привести людей къ земледѣльческой жизни. Земледѣльческая же жизнь приведетъ къ самому естественному при такой жизни общинному устройству небольшихъ, находящихся въ одинаковыхъ земледѣльческихъ условіяхъ, обществъ.

Весьма вѣроятно, что общины эти не будутъ жить обособленно и войдутъ между собою вслѣдствіе единства экономическихъ, племенныхъ или религіозныхъ условій, — въ новыя, свободныя соединенія, но совершенно иныя, чѣмъ прежнія — государственныя, основанныя на насиліи.

Отрицаніе насилія не лишаетъ людей возможности соединеній, но соединенія, основанныя на взаимномъ согласіи, могутъ образоваться только тогда, когда будутъ разрушены соединенія, основанныя на насиліи.

Для того, чтобы построить новый и прочный домъ на мѣстѣ разрушающагося, надо разобрать старыя стѣны камень по камню и вновь строить.

То же и съ тѣми соединеніями, которыя могутъ образоваться между людьми послѣ разрушенія соединенія, основаннаго на насиліи.

XI.

Что станется съ цивилизаціей?

Но что же станется со всѣмъ тѣмъ, что выработали люди, что станется съ цивилизаціей?

«Возвращеніе къ обезьянамъ», письмо Вольтера къ Руссо о томъ, чтобы научиться ходить на четверенькахъ,—возвращеніе къ какой-то «естественной жизни», скажутъ люди, которые такъ увѣрены въ томъ, что та цивилизація, которой мы пользуемся, есть великое благо, что они не допускаютъ даже мысли о потерѣ чего-нибудь изъ того, что выработано цивилизаціей.

«Какъ—грубая, давно пережитая человѣчествомъ земледѣльческая община въ деревенской глуши, вмѣсто нашихъ городовъ, съ подземными и надземными электрическими дорогами, электрическими солнцами, музеями, театрами, памятниками?» — скажутъ эти люди. Да, и съ нищенскими кварталами, съ slums Лондона, Нью-Іорка, большихъ городовъ, съ домами терпимости, банками, взрывчатыми бомбами противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, съ тюрьмами, эшафотами, съ милліонными войсками, скажу я.

понятіе или вовсе не имѣютъ понятія о свободѣ вообще, о той простой, понятной всѣмъ свободѣ, которая состоитъ въ томъ, что надъ человѣкомъ нѣтъ такой власти, которая требуетъ отъ него поступковъ, противныхъ его желаніямъ и выгодамъ.

Въ этомъ непониманіи того, что̀ есть свобода, и вытекающемъ изъ этого непониманія представленіи о томъ, что разрѣшеніе какими-то людьми другимъ людямъ нѣкоторыхъ поступковъ есть свобода,—заключается большое и чрезвычайно вредное заблужденіе. Заблужденіе состоитъ въ томъ, что людямъ нашего времени кажется, что рабская покорность насилію, въ которой они находятся передъ правительствомъ,—и есть естественное положеніе, а что разрѣшеніе правительственной властью извѣстныхъ поступковъ, опредѣленныхъ этой властью,—есть свобода; вродѣ того, какъ рабы считали бы свободой разрѣшеніе по воскресеньямъ ходить въ церковь, или въ жаркіе дни купаться, или во время, свободное отъ работы на хозяевъ, чинить свою одежду и т. п.

Вѣдь стоитъ только, на минуту отрѣшившись отъ установленныхъ привычекъ и суевѣрій, взглянуть на положеніе всякаго человѣка, живущаго въ государствѣ,—къ какому бы самому деспотическому или самому демократическому государству онъ ни принадлежалъ,—чтобы ужаснуться на ту степень рабства, въ которомъ живутъ теперь люди, воображая, что они свободны.

Надъ всякимъ человѣкомъ, гдѣ бы онъ ни родился, существуетъ собраніе людей, совершенно неизвѣстныхъ ему, которые устанавливаютъ законы его жизни: что̀ онъ долженъ и чего не долженъ дѣлать; и чѣмъ совершеннѣе государственное устройство, тѣмъ тѣснѣе сѣть этихъ законовъ. Опредѣлено, кому и какъ онъ долженъ присягать, т. е. обѣщаться исполнять всѣ тѣ законы, которые будутъ составляться и провозглашать-

ся. Опредѣлено, какъ и когда онъ можетъ жениться (онъ можетъ жениться только на одной женщинѣ, но можетъ пользоваться домами терпимости). Опредѣлено, какъ онъ можетъ разводиться съ женой, какъ содержать своихъ дѣтей, какихъ считать законными, какихъ незаконными, и кому и какъ наслѣдовать и передавать свое имущество. Опредѣлено, за какія нарушенія законовъ, и какъ, и кѣмъ онъ судится и наказуется. Опредѣлено, когда онъ самъ долженъ являться въ судъ, въ качествѣ присяжнаго или свидѣтеля. Опредѣленъ возрастъ, при которомъ онъ можетъ пользоваться трудами помощниковъ, работниковъ и даже число часовъ, которое можетъ работать въ день его помощникъ, пища, которую онъ долженъ давать имъ. Опредѣлено, когда и какъ онъ долженъ прививать предохранительныя болѣзни своимъ дѣтямъ; опредѣлены мѣры, которыя онъ долженъ принимать и которымъ долженъ подвергаться при такой-то и такой-то болѣзни, постигшей его или его семейныхъ и животныхъ. Опредѣлены школы, въ которыя онъ долженъ посылать своихъ дѣтей. Опредѣлены размѣры и прочность дома, который онъ можетъ строить. Опредѣлено содержаніе его животныхъ: лошадей, собакъ;— какъ онъ можетъ пользоваться водой и гдѣ можетъ ходить безъ дороги. Опредѣлены наказанія за неисполненіе всѣхъ этихъ и еще многихъ другихъ законовъ. Нельзя перечислить всѣхъ законовъ на законахъ и правилъ на правилахъ, которымъ онъ долженъ подчиняться и незнаніемъ которыхъ (хотя и нельзя ихъ знать) не можетъ отговариваться человѣкъ самаго либеральнаго государства.

При этомъ человѣкъ этотъ поставленъ въ такое положеніе, что при всякой покупкѣ потребляемыхъ имъ предметовъ: соли, пива, вина, сукна, желѣза, керосина, чая, сахара и многаго другого, онъ долженъ отдавать большую часть своего труда для какихъ-то не-

извѣстныхъ ему дѣлъ и для уплаты процентовъ за долги, которые совершены кѣмъ-то во времена его дѣдовъ и прадѣдовъ. Долженъ отдавать также часть своего труда и при всякомъ переѣздѣ съ мѣста на мѣсто, при всякомъ полученіи наслѣдства, или какой бы то ни было сдѣлкѣ съ ближнимъ. Кромѣ того, за ту часть земли, которую онъ занимаетъ или своимъ жилищемъ или обработкой поля, съ него требуютъ еще болѣе значительную часть его труда. Такъ что бо́льшая часть его труда, если онъ живетъ своимъ трудомъ, а не чужимъ, вмѣсто того, чтобы употребляться на облегченіе и улучшеніе положенія его и положенія его семьи, уходитъ на эти подати, пошлины, монополіи.

Мало и этого: человѣку этому въ однихъ, въ большинствѣ государствъ, велятъ, какъ только онъ войдетъ въ возрастъ, поступать на нѣсколько лѣтъ въ военное, самое жестокое рабство и итти воевать; въ другихъ же государствахъ: въ Англіи и Америкѣ, онъ долженъ нанимать людей для этого же дѣла. И вотъ люди, поставленные въ такое положеніе, не только не видятъ своего рабства, но гордятся имъ, считая себя свободными гражданами великихъ государствъ Британіи, Франціи, Германіи, Россіи, гордятся этимъ такъ же, какъ лакеи гордятся важностью тѣхъ господъ, которымъ они служатъ.

Казалось бы естественно человѣку съ не извращенными и не разслабленными духовными силами, заставъ себя въ такомъ ужасномъ и унизительномъ положеніи, сказать себѣ: «да зачѣмъ же я буду исполнять все это? Я хочу наилучшимъ образомъ прожить свою жизнь, хочу работать, кормить семью, хочу самъ рѣшать, что́ мнѣ пріятно, полезно и должно дѣлать. Оставьте меня въ покоѣ съ вашей Россіей, Франціей, Британіей. Кому это нужно, тѣ пускай соблюдаютъ эти Британіи и Франціи, а мнѣ онѣ не нужны. Силою вы можете отобрать у меня все, что́ хотите, и убить

меня, но самъ я не хочу и не буду участвовать въ своемъ порабощеніи». Казалось бы естественно поступить такъ, но никто не говоритъ этого и никто такъ не поступаетъ.

Вѣра въ то, что принадлежность къ какому-нибудь государству есть необходимое условіе жизни человѣческой, такъ сильно укоренилась, что люди не могутъ рѣшиться поступить такъ, какъ велитъ имъ ихъ разумъ, ихъ чувство добра, ихъ прямая польза.

Люди, поддерживая свое рабство, ради вѣры въ государство, совершенно подобны тѣмъ птицамъ, которыя, несмотря на то, что дверь клѣтки открыта, продолжаютъ сидѣть въ неволѣ отчасти по привычкѣ, отчасти не понимая того, что онѣ свободны.

Заблужденіе это особенно странно въ людяхъ, удовлетворяющихъ сами своимъ потребностямъ, какъ земледѣльческія населенія Германіи, Австріи, Индіи, Канады, Австраліи и др. и въ особенности Россіи. Людямъ этимъ нѣтъ никакой ни нужды, ни выгоды въ тѣмъ рабствѣ, которому они добровольно подчиняются.

Еще понятно, что городскіе люди не поступаютъ такъ, потому что интересы ихъ такъ переплетены съ интересами правящихъ классовъ, что то порабощеніе, въ которомъ они находятся, выгодно для нихъ. Рокфеллеръ не можетъ желать отказаться отъ повиновенія законамъ страны, потому что законы этой страны даютъ ему возможность наживать и сохранять свои милліарды въ ущербъ интересамъ массы народа; не могутъ желать отказаться и директора предпріятій Рокфеллера и служащіе у этихъ директоровъ и служащіе у этихъ служащихъ. Такъ это для городскихъ жителей. Это прежніе дворовые по отношенію крестьянъ: порабощеніе ихъ полезно имъ. Но для чего покоряться этой ненужной имъ власти земледѣльческимъ народамъ, большинству русскаго народа?

Живетъ семья въ Тульской губерніи, въ Познани,

въ Канзасѣ, въ Нормандіи, въ Ирландіи, въ Канадѣ. Людямъ этимъ, живущимъ въ Тульской губерніи, нѣтъ никакого дѣла до русскаго государства съ Петербургомъ, Кавказомъ, Остзейскимъ краемъ, съ его Манчжурскими захватами и дипломатическими хитростями. Точно такъ же и семьѣ, живущей въ Познани, — до Пруссіи съ Берлиномъ и африканскими колоніями; и ирландцу—до Британіи съ Лондономъ и ея египетскими, бурскими и другими дѣлами; и канзасцу—до Соединенныхъ Штатовъ съ своимъ Нью-Іоркомъ и Филиппинами. А между тѣмъ эти семьи должны отдавать опредѣленную часть своихъ трудовъ, должны участвовать въ приготовленіяхъ къ войнѣ и въ самой войнѣ, затѣваемой также не ими, а кѣмъ-то, должны повиноваться установленнымъ не ими, а кѣмъ-то, законамъ. Правда, что ихъ увѣряютъ, что, повинуясь во всѣхъ этихъ, имѣющихъ самую большую важность для ихъ жизни, дѣлахъ неизвѣстнымъ имъ людямъ, они, вслѣдствіе того, что выбрали одного изъ тысячи неизвѣстныхъ имъ представителей, повинуются не другимъ людямъ, а сами себѣ. Но вѣдь вѣрить этому можетъ только тотъ, кому хочется и нужно обмануть себя и другихъ.

Принадлежа къ государству, человѣкъ не можетъ быть свободенъ. И чѣмъ больше государство, тѣмъ больше нужно насилія, и тѣмъ меньше возможна истинная свобода. Для составленія одного цѣлаго изъ самыхъ разнообразныхъ народностей и людей, каковы Британія, Россія, Австрія, и удерживая ихъ въ этомъ соединеніи, нужно очень большое насиліе. Хотя и меньше насилія нужно для удержанія соединеній людей въ малыхъ государствахъ, какъ Швеція, Португалія, Швейцарія, но за то въ этихъ малыхъ государствахъ труднѣе гражданамъ уклониться отъ требованій власти, и сумма несвободы, насилія та же, какъ и въ большихъ государствахъ.

Какъ для того, чтобы связать и держать вмѣстѣ

вязанку дровъ нужна крѣпкая веревка и извѣстная степень натянутости ея, такъ и для того, чтобы держать вмѣстѣ въ одномъ государствѣ большое соединеніе людей, нужна извѣстная степень насилія и приложенія его. Разница для дровъ можетъ быть только въ размѣщеніи ихъ, въ томъ, что не тѣ, а другія дрова будутъ непосредственно сжаты веревкой, но сила, удерживающая ихъ вмѣстѣ, будетъ, при какомъ бы то ни было размѣщеніи дровъ,—одна и та же. То же и съ насильническимъ государствомъ, какое бы оно ни было: деспотія, конституціонная монархія, олигархія, республика. Если соединеніе людей держится насиліемъ, т. е. тѣмъ, что устанавливаемые одними людьми законы насиліемъ приводятся другими въ исполненіе, то всегда будетъ одинаковое по степени силы насиліе однихъ людей надъ другими. Въ одномъ мѣстѣ оно будетъ проявляться грубымъ насиліемъ, въ другомъ денежной властью. Разница будетъ только въ томъ, что при одномъ насильническомъ государственномъ устройствѣ насиліе будетъ давить больше однихъ людей, при другомъ устройствѣ—болѣе другихъ.

Государственное насиліе можно сравнить съ черной ниткой, на которой свободно нанизаны бусы. Бусы — это люди. Черная нитка — это государство. До тѣхъ поръ, пока бусы будутъ на ниткѣ, онѣ не будутъ имѣть возможности свободно перемѣщаться. Можно сдвинуть ихъ всѣхъ въ одну сторону, и на этой сторонѣ не будетъ видна между ними черная нитка, но зато на другой сторонѣ большая часть нитки будетъ голая (деспотизмъ). Можно мѣстами равномѣрно сдвинуть бусы, оставивъ между этими мѣстами соотвѣтственные промежутки черной нитки (конституціонная монархія). Можно между каждой бусой оставить небольшую часть нитки (республика). Но пока не будутъ бусы сняты съ нитки, пока не будетъ разорвана нитка, не будетъ возможности скрыть черную нитку.

Пока будетъ государство и нужное для его поддержанія насиліе, въ какой бы ни было формѣ, не будетъ, не можетъ быть свободы, настоящей свободы, того, что всегда всѣ люди понимали и понимаютъ подъ этимъ словомъ.

«Но какъ же будутъ жить люди безъ государства?»— обыкновенно спрашиваютъ люди, такъ привыкшіе къ тому, что каждый человѣкъ кромѣ того, что онъ сынъ своихъ родителей, внукъ своихъ дѣдовъ и предковъ, живущій избраннымъ имъ трудомъ, и, главное, кромѣ того, что онъ человѣкъ, еще и французъ, или британецъ, германецъ, янки, русскій, т. е. принадлежитъ къ тому или иному насильническому учрежденію, которое называется Франціей съ своимъ Алжиромъ, Аннамой, Ниццей и т. п., или Британіей съ ея чуждыми ей населеніями Индіи, Египта, Австраліи и Канады, или Австріей съ ея ничѣмъ внутренно не связанными народами, или къ такому разноплеменному и огромному государству, какъ Соединенные Штаты или Россія. Люди такъ привыкли къ этому, что имъ кажется, что жить, не принадлежа къ этимъ, не имѣющимъ никакого внутренняго смысла, соединеніямъ, такъ же невозможно, какъ казалось людямъ невозможнымъ тысячи лѣтъ тому назадъ жить безъ принесенія жертвъ богамъ и безъ прорицателей, рѣшающихъ поступки людей.

Какъ будутъ жить люди, не принадлежа ни къ какому правительству?

Да совершенно такъ же, какъ они живутъ теперь, только не дѣлая тѣхъ глупостей и гадостей, которыя дѣлаютъ теперь, ради этого ужаснаго суевѣрія. Будутъ жить такъ же, какъ теперь, но не отнимая отъ своей семьи произведеній своихъ трудовъ для того, чтобы въ видѣ податей и пошлинъ отдавать ихъ на дурныя дѣла неизвѣстнымъ имъ людямъ, и не участвуя ни въ насиліи, ни въ судахъ, ни въ войнахъ, устраиваемыхъ этими людьми.

Да, только это, не имѣющее въ наше время никакого смысла суевѣріе даетъ ту безумную, ничѣмъ не оправдываемую власть сотнямъ людей надъ милліонами и лишаетъ истинной свободы эти милліоны. Не можетъ человѣкъ, живущій въ Канадѣ, въ Канзасѣ, въ Богеміи, въ Малороссіи, Нормандіи, быть свободенъ, пока онъ считаетъ себя, и часто гордится этимъ, британскимъ сѣверо-американскимъ, австрійскимъ, русскимъ, французскимъ гражданиномъ. Не можетъ и правительство, призваніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы соблюдать единство такого невозможнаго и безсмысленнаго соединенія, какъ Россія, Британія, Германія, Франція, — дать своимъ гражданамъ дѣйствительную свободу, а не подобіе ея, какъ это дѣлается при всякихъ хитроумныхъ конституціяхъ, монархическихъ, республиканскихъ или демократическихъ. Главная, и едва ли не единственная, причина отсутствія свободы — суевѣріе государства. Люди могутъ быть лишены свободы и при отсутствіи государства. Но при принадлежности людей къ государству не можетъ быть свободы.

Люди, участвующіе теперь въ русской революціи, не понимаютъ этого. Люди эти добиваются разныхъ свободъ для гражданъ русскаго государства, воображая себѣ, что въ этомъ состоитъ цѣль совершающейся революціи. Но цѣль и послѣдній результатъ совершающейся революціи гораздо дальше той, которую видятъ революціонеры. Цѣль эта — освобожденіе отъ государственнаго насилія. И къ этому великому перевороту ведетъ та сложная работа ошибокъ, злодѣяній, совершающихся теперь на загнившей поверхности огромнаго русскаго народа, среди малой части его городскихъ сословій, такъ называемой интеллигенціи и фабричныхъ рабочихъ. Вся эта сложная и большею частью исходящая изъ самыхъ низкихъ мотивовъ мести, злобы, честолюбія дѣятельность имѣетъ для большого русскаго народа только одно значеніе: она должна

показать народу, чего онъ не долженъ дѣлать, и что онъ можетъ и что долженъ сдѣлать. Должна показать всю тщету замѣны одной государственной формы насилія и злодѣяній другой формой государственнаго насилія и злодѣяній, и разрушить въ его сознаніи суевѣріе и навожденіе государственности.

Русскій народъ, огромное большинство его, глядя на совершающіяся событія, на всѣ тѣ новыя формы насилія, проявляющіяся въ жестокой революціонной дѣятельности: погромы, разоренія, стачки, лишающія цѣлыя населенія пропитанія, и, главное братоубійства,— начинаетъ понимать, что дурно не только то прежнее государственное насиліе, подъ которымъ онъ жилъ и отъ котораго уже много пострадалъ, но и то новое государственное же насиліе, которое проявляется теперь такими же, но только новыми обманами и злодѣйствами, и что ни то, ни другое, — ни хуже, ни лучше, а оба худы, и надо избавиться отъ всякаго государственнаго насилія, и что это очень легко и возможно.

Народъ, въ особенности земледѣльческій русскій народъ, — огромное большинство его, тотъ, который жилъ и живетъ, рѣшая всѣ свои общественныя дѣла мірскимъ сходомъ, не нуждаясь въ правительствѣ, — глядя на совершающіяся событія, долженъ будетъ понять, что ему не нужно никакого, ни самаго деспотическаго, ни самаго демократическаго правительства, какъ не нужны человѣку ни мѣдныя, ни желѣзныя, ни короткія, ни длинныя цѣпи. Народу не нужны никакія отдѣльныя свободы, а нужна одна, настоящая, полная, простая свобода.

И, какъ всегда бываетъ, рѣшеніе кажущихся трудными вопросовъ бываетъ самое простое; такъ и теперь, для достиженія не тѣхъ или иныхъ свободъ, а этой одной, настоящей, полной свободы, нужна не борьба съ правительственной властью, не придумыва-

ніе такихъ или иныхъ способовъ представительства, могущихъ только скрыть отъ людей ихъ состояніе рабства, а только одно: неповиновеніе людямъ.

Пусть только народъ перестанетъ повиноваться правительству, — и не будетъ ни податей, ни отнятій земли, ни всякихъ стѣсненій отъ власти, ни солдатства, ни войнъ. Это такъ просто и такъ кажется легко. Отчего же люди не дѣлали этого до сихъ поръ и теперь еще не дѣлаютъ этого?

А отъ того, что для того, чтобы не повиноваться правительству, надо повиноваться Богу, т.-е. жить доброй, нравственной жизнью.

Только въ той мѣрѣ, въ которой люди живутъ такою жизнью, т.-е. повинуются Богу, могутъ они и перестать повиноваться людямъ и освободиться.

Нельзя сказать себѣ: «дай я не буду повиноваться людямъ». Не повиноваться людямъ можно только тогда, когда повинуешься высшему, общему для всѣхъ закону Бога. Нельзя быть свободнымъ, нарушая высшій, общій законъ взаимнаго служенія, какъ нарушаютъ его всей своей жизнью люди богатыхъ, городскихъ классовъ, живущіе трудами рабочаго, особенно земледѣльческаго народа. Свободенъ можетъ быть человѣкъ только въ той мѣрѣ, въ какой онъ исполняетъ высшій законъ. Исполненіе же этого закона не только трудно, но почти невозможно при городскомъ, фабричномъ устройствѣ общества, гдѣ преуспѣяніе человѣка основано на борьбѣ съ людьми. Оно возможно и легко только при земледѣльческой жизни, гдѣ всѣ усилія человѣка направлены на борьбу съ природой.

И потому освобожденіе людей отъ повиновенія правительствамъ и отъ признанія искусственныхъ соединеній государствъ, отечества, должно привести ихъ къ естественной, радостной и наиболѣе нравственной жизни земледѣльческихъ общинъ, подчиняющихся только своимъ, доступнымъ всѣмъ, основаннымъ не на насиліи, а на взаимномъ согласіи установленіямъ.

Въ этомъ сущность предстоящаго христіанскимъ народамъ великаго переворота.

Какъ произойдетъ этотъ переворотъ, какія перейдетъ ступени, — намъ не дано знать, но мы знаемъ, что онъ неизбѣженъ, потому что онъ совершается и отчасти уже совершился въ сознаніи людей.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Жизнь людей только въ томъ и состоитъ, что время дальше и дальше открываетъ скрытое и показываетъ вѣрность или невѣрность пути, по которому они шли въ прошедшемъ. Жизнь есть уясняющееся сознаніе ложности прежнихъ основъ и установленіе новыхъ и слѣдованіе имъ. Жизнь человѣчества такъ же, какъ отдѣльнаго человѣка, есть вырастаніе изъ прежняго состоянія въ новое. Вырастаніе же это неизбѣжно сопровождается сознаніемъ своихъ ошибокъ и освобожденіемъ отъ нихъ.

Но бываютъ времена, когда въ жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества сразу открывается ясно та ошибка, которая сдѣлана была въ направленіи прошедшаго, и выясняется та дѣятельность, которая должна исправить эту ошибку. Это времена революцій. И въ такомъ положеніи находятся теперь христіанскіе народы.

Человѣчество жило по закону насилія и не знало никакого другого. Пришло время, и передовые люди человѣчества провозгласили новый, общій всему человѣчеству законъ взаимнаго служенія. Люди приняли этотъ законъ, но не во всемъ его значеніи, и, хотя и старались примѣнить его, продолжали жить по закону насилія. Явилось христіанство, которое подтвердило людямъ истину о томъ, что есть только одинъ законъ, общій всѣмъ людямъ, дающій имъ наибольшее бла-

го, — законъ взаимнаго служенія, и указало на причину, по которой законъ этотъ не былъ осуществленъ въ жизни. Онъ не былъ осуществленъ потому, что люди считали необходимымъ и благотворнымъ употребленіе насилія для благихъ цѣлей и считали справедливымъ законъ возмездія. Христіанство показало, что насиліе всегда губительно и возмездіе не можетъ быть примѣняемо людьми. Но христіанское человѣчество, не принявъ этого разъясненія общаго всѣмъ людямъ закона взаимнаго служенія, хотя и желало жить по этому закону, невольно продолжало жить по языческому закону насилія. Такая противорѣчивая жизнь все увеличивала и увеличивала преступность жизни и внѣшнія удобства и роскошь меньшинства, увеличивала и рабство и бѣдствія большинства въ христіанскихъ народахъ.

Въ послѣднее время преступность и роскошь жизни одной части и бѣдствія и рабство другой части людей христіанскаго міра дошли до высшей степени, особенно среди народовъ, давно уже оставившихъ естественную жизнь земледѣлія и подпавшихъ обману мнимаго самоуправленія. Народы эти, страдая отъ бѣдственности своего положенія и отъ сознанія противорѣчія, въ которомъ они находятся, ищутъ спасенія вездѣ: въ имперіализмѣ, милитаризмѣ, соціализмѣ, захватахъ чужихъ земель, во всякаго рода борьбѣ, въ тарифахъ, техническихъ усовершенствованіяхъ, въ развратѣ, во всемъ, только не въ томъ одномъ, что можетъ спасти ихъ, — освобожденіе себя отъ суевѣрія государства, отечества и прекращеніе повиновенія государственной насильнической власти, какая бы она ни была.

Вслѣдствіе своей земледѣльческой жизни, вслѣдствіе отсутствія обмана самоуправленія, вслѣдствіе своей многочисленности и, главное, вслѣдствіе удержавшагося въ немъ христіанскаго отношенія къ насилію, русскій народъ, послѣ жестокой, ненужной и несчастной

ьсйны, въ которую онъ былъ вовлеченъ своимъ правительствомъ, и послѣ неудовлетворенія требованій о возвращеніи ему отнятой у него земли, — русскій народъ прежде другихъ народовъ почувствовалъ главныя причины бѣдствій христіанскаго человѣчества нашихъ временъ, и потому именно среди него начнется тотъ великій переворотъ, который предстоитъ всему человѣчеству и который одинъ можетъ спасти его отъ его ненужныхъ страданій.

Въ этомъ — значеніе начинающейся теперь въ Россіи революціи. Революція эта не началась еще среди народовъ Европы и Америки, но причины, вызвавшія революцію въ Россіи, тѣ же для всего христіанскаго міра; та же японская война, показавшая всему міру неизбѣжное въ военномъ дѣлѣ преимущество языческихъ народовъ передъ христіанскими, тѣ же дошедшія до послѣдней степени напряженія вооруженія большихъ государствъ, не могущія никогда кончиться, и то же бѣдственное положеніе и всеобщее недовольство рабочаго народа, вслѣдствіе отнятаго у него его естественнаго права на землю.

Большинство русскихъ людей ясно видятъ, что причина всѣхъ претерпѣваемыхъ ими бѣдствій — повиновеніе власти, и что русскимъ людямъ предстоитъ одно изъ двухъ: или отказаться быть разумными, свободными существами, или перестать повиноваться правительству.

И то же самое, если и не видятъ теперь изъ-за суеты своей жизни и обмана самоуправленія, то очень скоро увидятъ народы Европы и Америки. Участіе въ насиліи правительства большихъ государствъ, которое они называютъ свободой, привело и ведетъ ихъ къ все большему рабству и къ бѣдствіямъ, вытекающимъ изъ этого рабства. Увеличивающіяся же бѣдствія неизбѣжно приведутъ ихъ къ единственному средству избавленія отъ нихъ: прекращенію повиновенія правительствамъ и, вслѣдствіе прекращенія повинове-

нія правительствамъ, уничтоженію государственныхъ насильническихъ соединеній.

Для того, чтобы совершился этотъ великій переворотъ, нужно только, чтобы люди поняли, что государство, отечество есть фикція; а жизнь и истинная свобода есть реальность; и что поэтому не жизнью и свободой надо жертвовать для искусственнаго соединенія, называемаго государствомъ, а ради истинной жизни и свободы — освободиться отъ суевѣрія государства и вытекающаго изъ него преступнаго повиновенія людямъ.

Въ этомъ измѣненіи отношенія людей къ государству и власти — конецъ стараго и начала новаго вѣка.

Октябрь—декабрь 1905 г.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

№№ 1, 2 и 3 повременнаго изданія

„ЕДИНЕНІЕ“.

Посвященное обновленію жизни при свѣтѣ разума и любви

СЪ ОТДѢЛОМЪ

„ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО“

содержащимъ еще нигдѣ не изданныя и ранѣе запрещенныя цензурой его писанія.

(Стр. 16 большого формата. Цѣна каждаго № 25 к.).

Въ виду особыхъ условій издательства, редакція „Единенія“ не можетъ ручаться за правильный выходъ выпусковъ этого изданія, и потому предлагаетъ лицамъ, желающимъ получать №№ „Единенія“ тотчасъ по выходѣ, прислать нѣкоторую сумму (не менѣе 2 рублей), въ счетъ которой и будетъ высылаться это изданіе,—а по соглашенію съ подписчиками, также и **сборники** „Единенія“, начиная отъ № 4 (ц. 60 к.) и № 5-6 (ц. 1 р. 20 к.) находящагося еще въ печати.

Изданія „Единенія“.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Великій грѣхъ. Ц. 20 к.
О значеніи русской революціи. Ц. 30 к.
Проѣзжій и крестьянинъ. — Истинная свобода. Ц. 20 к.
Отвѣтъ Синоду. Ц. 10 к.
Неизбѣжный переворотъ. Ц. 20 к.
Законъ насилія и законъ любви. Ц. 60 к.
„Одумайтесь!“ Ц. 60 к.
Рабство нашего времени. Ц. 60 к.
Къ рабочему народу. Ц. 40 к.
Единое на потребу. Ц. 40 к.
Къ политическимъ дѣятелямъ. Ц. 20 к.
Единственное средство. Ц. 20 к.
Кругъ чтенія (окончательная версія переработанная въ 1908 г.). **Іюль.**
Конецъ вѣка. Ц. 40 к.
О наукѣ (сборникъ статей). Ц. 40 к.
Николай Палкинъ. Ц. 20 к.
Не могу молчать. Ц. 40 к.

В. Г. ЧЕРТКОВЪ.

Дежурство въ военныхъ госпиталяхъ. Ц. 20 к.
Эпиктетъ. Ц. 60 к.

Печатаются:

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Кругъ чтенія. Августъ, Сентябрь.
Христіанство и патріотизмъ.
Неужели это такъ надо?
Единая заповѣдь.

Складъ изданій: Москва, Петровскія линіи, книжный магазинъ **«Посредникъ»** для **«Единенія»**.

HECKMAN
BINDERY INC.
JUN 90
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00005143043